

Раздел 3. Наджибулла. Политика национального примирения

Мухаммад Наджибулла

М. Наджибулла вошел в афганскую историю последних десятилетий XX в. как один из самых заметных партийно-государственных деятелей. С его именем связан период упорных усилий кабульского леводемократического режима по поиску компромиссов с вооруженной антиправительственной оппозицией с целью установления мира и согласия на истерзанной многолетней гражданской войной земле Афганистана. Судьба его оказалась весьма трагической. И чем дальше в прошлое уходит то страшное время, тем все ярче, несмотря на все потуги его недругов очернить его имя, предстает в памяти народной этот незаурядный государственный деятель, истинный патриот своей родины и мужественный по натуре человек, тем привлекательнее и более справедливым, по сравнению со всеми последующими правившими в стране режимами, выступает в общественном сознании та государственная система, которую он олицетворял и пытался строить.

Наджибулла родился 6 августа 1947 года в Кабуле в семье состоятельного государственного служащего, известного авторитета среди некоторых пуштунских племен Ахтара Мухаммада. По национальности – пуштун-гильзай из клана ахмадзай племени сулейманхейль. Его семейные родовые корни находятся в провинции Пактия. До 1987 года он был более известен по партийной кличке Наджиб.

После окончания в 1964 году лицея «Хабибия» поступил на медицинский факультет Кабульского университета. В 1965 году вступил в НДПА. Входил в руководящее ядро действовавшей в университете подпольной партийной организации НДПА. С августа 1971 года являлся членом руководящих органов легальной Ассоциации студентов Кабульского университета. Будучи студентом, принимал активное участие в массовых антиправительственных выступлениях столичной молодежи. Печатался в газете «Парчам» (1968–1970 гг.). При монархическом режиме дважды подвергался тюремному заключению. На судебном процессе в 1969 году он обвинялся в «участии в противозаконных забастовках и демонстрациях», «нарушении общественной безопасности и нагнетании напряженности», «провоцировании беспорядков и столкновений с полицией», а также в «создании условий для призыва народа к восстанию». На этом процессе он выступил с блестящей защитительной речью, чем завоевал симпатии среди радикально настроенной афганской молодежи. Второй раз был арестован в январе 1970 года за участие в антиамериканской демонстрации, состоявшейся в Кабуле в связи с визитом в страну вице-президента США С.Агню. Наджибулле было предъявлено обвинение в оскорблении США и американского флага, в действиях, «противоречащих политике нейтралитета Афганистана».

У Наджибуллы был свой путь в революцию. По его собственному признанию, он вступил в ряды демократического движения не ради карьеры и славы, а по глубокому убеждению принести добро своему народу, избавить его от нищеты, несчастий и многочисленных несправедливостей жизни и быта. Это свое убеждение он с юношеским пылом отстаивал перед судьями, когда в 1969 году оказался на скамье подсудимых за участие в студенческих волнениях. «На борьбу нас подвигли, – говорил он тогда, – не какие-то выгоды и личная корысть, а страдания и нищета подавляющего большинства народных масс страны и осознание причин и корней всего этого, безработица и безысходность сотен тысяч наших сограждан, нещадная эксплуатация тысяч и тысяч людей труда, угнетение миллионов человек в нашей стране и многое другое.»

В 1975 году он окончил Кабульский университет и, получив диплом врача-гинеколога, некоторое время работал в лечебных учреждениях столицы. В конце указанного года по решению ЦК НДПА (Парчам) возглавил кабульскую провинциальную комиссию партии по созданию в столице и провинции организационных структур (ячеек и комитетов) Демократической организации

молодежи Афганистана. В июле 1977 года на объединительной конференции партии был избран членом ЦК НДПА.

После победы апрельского вооруженного восстания 1978 года был введен в состав Революционного совета ДРА и в течение двух месяцев (до 28 июня) являлся секретарем Кабульского горкома НДПА, а затем направлен послом ДРА в Тегеран. 27 ноября этого же года, в соответствии с решением пленума ЦК НДПА, был исключен из рядов партии и снят со всех государственных постов по обвинению в «активном участии в преступном антипартийном, антигосударственном и контрреволюционном заговоре». До декабря 1979 года проживал в Югославии на положении политического эмигранта.

Со сменой руководства страны в конце декабря 1979 года возглавил службу государственной безопасности – ХАД (Служба государственной информации). На этом посту он показал незаурядные организаторские способности и решительность в борьбе против террористических и диверсионных акций вооруженной антиправительственной оппозиции. За заслуги перед государством был удостоен многих высших правительственных наград. Ему было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта. Вместе с тем почти шестилетнее руководство карательно-сыскным государственным органом не только не прибавило авторитета Наджибулле в глазах широкой афганской общественности, но, наоборот, существенно подорвало его из-за непосредственной причастности к расправам над политической и военной оппозицией режиму. Следует отметить, что и сами органы государственной безопасности, как бы они ни назывались, никогда в Афганистане не вызывали особых симпатий среди населения.

Сентябрь 1969 г. Наджибулла (второй слева) среди заключенных и охраны в камере тюрьмы кабульского провинциального полицейского управления. Четвертый слева – Мухаммад Исмаил Махшур, арестованный вместе с Наджибуллой по обвинению в участии в антиправительственной демонстрации.

Возглавляя службу безопасности Афганистана, Наджибулла, даже при предвзятом подходе к его деятельности на этом посту, никогда не прибегал к актам массового террора и зверствам в отношении воинственных противников режима, хотя твердо и последовательно боролся с ними. Вместе с тем он во избежание неоправданных жертв и во имя быстрого прекращения гражданской войны в Афганистане широко использовал свои возможности руководителя ХАДа для установления контактов с лидерами вооруженной оппозиции, деятелями политической эмиграции, окружением

экс-короля Захир-шаха и афганской деловой диаспорой за рубежом. По некоторым данным, служба безопасности, руководимая Наджибуллой, поддерживала контакты чуть ли не с половиной афганских полевых командиров.

В июне 1981 года, он по образу и подобию принятой в СССР структуры партийно-государственного руководства, был введен в члены политбюро ЦК НДПА. Все годы пребывания на посту руководителя ХАДа он, кроме своих прямых обязанностей, по решению высшего партийного органа курировал связи с подпольными левыми и другими дружественными Кабулу политическими партиями и организациями стран региона. В августе 1981 года был введен в Совет обороны, в котором возглавил комиссию по связям с племенами. В ноябре 1985 года, когда в руководстве НДПА был взят курс на активное расширение социальной базы власти, он освобождается от поста главы ХАДа и назначается секретарем ЦК НДПА и ему, кроме решения других задач, поручается работа с пуштунскими племенами, от отношения которых к центральной власти всегда в Афганистане зависела внутривластная стабильность, безопасность и прочность режима.

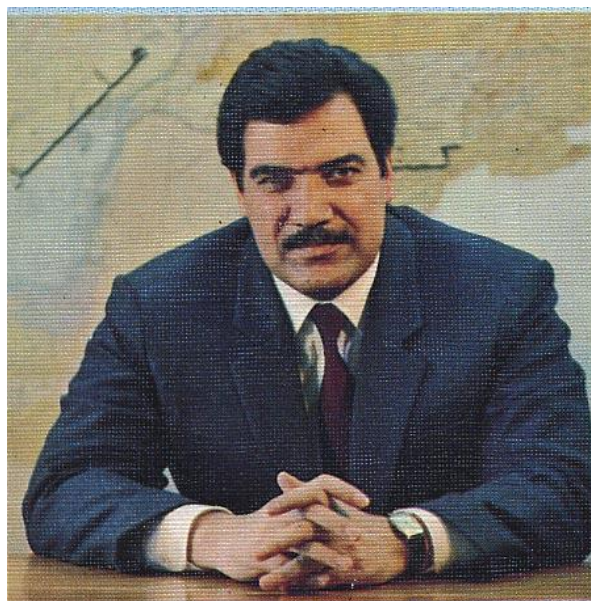
Будучи креатурой всемогущего советского КГБ, он в начале мая 1986 года на 18-м пленуме ЦК НДПА избирается генеральным секретарем ЦК партии вместо ставшего негодным Москве Б. Кармаля, Приход Наджибуллы к руководству партией и страной привел к заметному ослаблению кабульского режима. Свою роль сыграли, при прочих внутренних и внешних дестабилизирующих факторах, и его личные качества: молодость, низкий авторитет в обществе, племенная принадлежность к гильзаям (учитывая извечную неприязнь и вражду между гильзаями и дуррани), фактическое отсутствие необходимого опыта партийной и хозяйственной деятельности, отказ в поддержке со стороны значительной части его бывших соратников-парчамистов, расценивших занятие им поста лидера партии как предательство их признанного авторитета – Б. Кармаля, неприятие его (Наджибуллы) в качестве партийного и государственного руководителя со стороны второй партийной фракции – халькистов и т.п. Не увенчались успехом упорные попытки Наджибуллы привлечь на свою сторону видных халькистов-выходцев из Пактии и обрести в их лице опору в партийных и военных кругах страны.

Заняв пост главы государства и партии, Наджибулла возложил на свои плечи огромный груз ответственности за судьбу Афганистана и его народа. Он внес существенный личный вклад в осуществление оказавшейся, к сожалению, тщетной политики национального примирения. Однако, следует подчеркнуть, ни он сам, ни кто-либо другой из афганских руководителей не являлись ее авторами или, как повелось по политическим соображениям и по инерции писать в советской и постсоветской прессе, «ее главным творцом». Идея и содержание данной политики всецело принадлежали московским разработчикам и были санкционированы высшими инстанциями Кремля. Афганской стороне лишь оставалось быть не более чем ее простым исполнителем.

1 октября 1987 года он стал председателем Революционного совета ДРА – высшего органа государственной власти, а 30 ноября, в соответствии с новой конституцией, избран Лоя джиргой президентом страны.

После вывода советских войск из Афганистана президент Наджибулла сумел мобилизовать имевшиеся в его распоряжении военные, материальные и людские ресурсы и дать достойный отпор массивному наступлению вооруженной оппозиции, предпринятому при поддержке и с благословения правящих кругов Пакистана, США, Саудовской Аравии и некоторых других стран для свержения «кабульского коммунистического режима». Параллельно с использованием силы Наджибулла выступил с серией инициатив по мирному разрешению афганского кризиса. Он, пойдя на значительные уступки, поддержал план ООН по умиротворению страны. Однако его чрезмерная политическая уступчивость перед несговорчивой вооруженной оппозицией в конце концов переросла в безоговорочную капитуляцию и демонтаж шаг за шагом всего того, что было связано с НДПА и что обеспечивало определенный баланс

сил двух основных противоборствующих лагерей в Афганистане. Такого рода политика сдачи одной позиции за другой не была понята и принята значительной частью высшего партийного и государственного руководства, в частности членами политбюро ЦК НДПА Фаридом Ахмадом Маздаком, Наджмудином Кавьяни, Абдул Вакилем, видными деятелями из крыла Хальк.

Президент РА М.Наджибулла (1988 г.)

В марте 1990 года против Наджибуллы был поднят мятеж, возглавленный халькистом, министром обороны Ш.Н. Танаем. Хотя президенту и удалось довольно—таки легко подавить выступление мятежников, однако с этого времени из его рук неумолимо стал уходить контроль над ситуацией на подвластной Кабулу территории. Ему не помогли ни его торопливые отречения от прошлого НДПА и, как он выражался, «навязанных ей чуждых теорий», ни категорическое осуждение им ввода советских войск в страну, ни реформирование правящей партии и создание в июне 1990 года вместо марксистски идеологизированной НДПА национально—патриотически и религиозно ориентированной Партии Отечества, председателем которой он был избран.

Кабул. Президентский дворец (парадный въезд).

Кризис режима Наджибуллы достиг своего апогея весной 1992 года, когда российское ельцинское руководство отказало ему в поставках, наряду с оружием, и продовольствия и Кабул оказался на грани массового голода и когда в непосредственном окружении президента разногласия начали разрешаться с помощью пистолета. Их жертвой явился один из самых преданных Наджибулле людей министр государственной безопасности Гулям Фарук Якуби. Из подчинения президента вышел обширный север страны, где образовалась антинаджибовская автономия во главе с генералом А.Р. Дустомом. Утратив власть, Наджибулла попытался бежать из страны на зафрактованном ООН самолете, но был задержан узбекскими ополченцами А.Р. Дустама. Через несколько дней в столицу вошли моджахеды и провозгласили Исламское Государство Афганистан. Экс-президент Наджибулла, воспользовавшись неприкосновенностью учреждений ООН, укрылся (как оказалось позднее – на годы) в здании миссии ООН в Кабуле. Вместе с ним остались его брат, генерал Ахмадзай, начальник канцелярии президента Тухи и начальник личной охраны Джафсар. Несколько лет спустя Тухи и Джафсар с согласия Наджибуллы покинули его и выехали в Индию.

27 сентября 1996 года талибы после захвата столицы, нарушив неприкосновенность представительства ООН, схватили Наджибуллу вместе с его братом Ахмадзаем, жестоко избили и повесили обоих перед въездом в бывший королевский дворец, где Наджибулла в течение шести лет (1986–1992 гг.) исполнял обязанности главы государства.

Последние трагические часы и минуты жизни Наджибуллы ярко высветили блестящие незаурядные черты его натуры. Оказавшись в руках озверевших от крови талибов и их покровителей – пакистанских спецслужб, он проявил во всей полноте присущие ему твердость воли и духа, величайшие мужество и самоотверженность. Он не выбросил белый флаг перед его противниками, чтобы сохранить себе жизнь в обмен на предательство. К этому его намеревались склонить прибывшие в афганскую столицу с тайной миссией бывший глава Главного штаба сухопутных сил Пакистана и один из руководящих деятелей пакистанской военной разведки, генерал Аслам Бек и его брат, тоже кадровый разведчик. Они предложили Наджибулле подписать договор, исполненный на фирменном президентском бланке и датированный периодом пребывания Наджибуллы у власти в качестве президента страны, в котором он (Наджибулла) признавал «линию Дюранда» государственной границей между Афганистаном и Пакистаном. Замысел был чудовищным: убив Наджибуллу, сделать его на веки вечные предателем пуштунов, поскольку (и это следует еще раз подчеркнуть) в сознании последних вопрос о непризнании «линии Дюранда» границей между двумя соседними государствами всегда после 1893 года был и остается мерилем подлинного патриотизма и показателем приверженности идее пуштунизма.

Разумеется, Наджибулла, как истинный патриот своей родины и пуштун по национальной принадлежности, не мог пойти на такой шаг. «В самый страшный свой час, – писал о нем известный российский ученый-востоковед, большой знаток Афганистана В.Н.Пластун, – он нашел силы не предать ни Афганистан, ни свой народ, ни себя. Пустив в ход свою недюжинную силу, благодаря которой за ним еще с юности закрепилась кличка "Бык", он сумел разметать охрану, отнять у одного из офицеров пистолет и убить (либо тяжело ранить) брата Аслам Бека. Последующее было кошмаром. Он перенес страшные пытки, но сломлен не был. Жуткая казнь, потрясшая даже его врагов, возмутившая всех афганцев, по какую бы сторону баррикад они ни были, подвела черту под его жизнью, под дьявольским планом Исламабада и, по большому счету, под политическим курсом Пакистана к северу от «линии Дюранда».

Наджибулла, безусловно, был умным, хитрым, сильным, а порой и весьма жестким политиком. Его отличали цельность натуры, глубокая убежденность в правильности избранного им жизненного и политического пути, приверженность национальным традициям и исламским ценностям, стремление всегда и во всем быть с народом, а не над ним. Глубоко и всесторонне зная свою страну и ее специфику, он умел трезво и во

многим прозорливо оценивать сложную военную и политическую обстановку внутри и вокруг Афганистана и принимать взвешенные решения. Он был человеком большой культуры и прекрасным оратором. Ему были присущи уважительное отношение к подчиненным, доступность, умение слушать и понимать собеседника, подчеркнутая восточная вежливость, тактичность и предупредительность, простота в общении с окружающими, личное мужество и готовность пойти на самопожертвование во имя своих идеалов. Вместе с тем ему были свойственны излишняя эмоциональность и горячность в суждениях и поступках и, как политическому деятелю, определенная склонность к интриганству.

Наджибулле нельзя отказать в искренности дум и намерений принести мир и безопасность на афганскую землю. Однако его стратегические расчеты умиротворить страну за счет принесения в жертву НДПА и политической системы, стержнем которой она являлась, оказались порочными и заведомо не дальновидными. Устранение из миротворческого процесса НДПА, как влиятельной политической силы, которая могла бы стать реальным противовесом оголтелому религиозному экстремизму, направило развитие событий в Афганистане по наиболее трагическому, сомалийскому, варианту. Страна была ввергнута в кровавую бойню, несравненно более жестокую, чем это было прежде. Прямую ответственность за это несут дерущиеся за власть в стране различные, поддерживаемые извне группировки моджахедов и их зарубежные покровители. Но определенная доля исторической вины за продолжение трагедии афганского народа лежит и на Наджибулле, упустившему из рук один из возможных шансов к подлинному миру. Личная трагедия Наджибуллы, как политического деятеля, заключалась в том, что он был подло и многократно предан своими бывшими внутренними и внешними друзьями (см. об этом подробнее в разделе «Проблема урегулирования положения вокруг Афганистана»).

Наджибулла, кроме родного пушту и дари, владел английским языком. Был женат и имел трех дочерей. Жена Фаттана Гилани связана родственными узами с династией, правившей в Афганистане в первые три десятилетия XX в. С 1992 года она и ее дочери проживают в индийской столице [1].

Афганский левый режим после Б. Кармала

Выбор Наджибуллы на пост главы партии и государства не был безальтернативным. Кроме него, в то время в высшем партийно–государственном аппарате ДРА имелись не менее достойные личности (например, известный в стране поэт и видный государственный деятель Сулейман Лайек), отвечавшие всем требованиям, предъявляемым к главе государства, который был бы способен умиротворить страну. Однако за ними, к сожалению, не было поддержки всемогущего советского КГБ, который в Афганистане в те годы определял, в конечном итоге, кому следует передать власть из рук опального Б. Кармала. Надо еще и вспомнить, что в советской кадровой политике того времени принято было считать некоей непреложной истиной, что самые надежные и проверенные выдвиженцы на высшие государственные посты куются преимущественно в лоне спецслужб. В связи с этим шансы Наджибуллы стать главой афганского государства изначально представлялись гораздо более предпочтительными, чем у других лиц.

В Москве ставка на Наджибуллу, как будущего главу партии и государства, была окончательно сделана накануне XXVII съезда КПСС, состоявшегося в конце февраля – начале марта 1986 г. (хотя, истины ради следует отметить, что задуманное в московских кабинетах его продвижение по партийной должностной лестнице началось еще раньше и было сначала воплощено в решение 16-го пленума ЦК НДПА (ноябрь 1985 г.), избравшего его секретарем ЦК партии). В ходе проведения указанного съезда в центре подчеркнутого внимания со стороны высших советских лидеров был уже не Б. Кармаль, возглавлявший на съезде афганскую партийную делегацию, а ее член Мухаммад

Наджибулла (см. об этом подробнее в разделе данной книги «Как снимали Б. Кармалю»). Чуть позже, в конце марта, Б.Кармаль был вызван в Москву, где ему в вежливо–ультимативной форме предложили «во имя высших интересов Афганистана» передать Наджибулле пост генерального секретаря ЦК НДПА (фактически верховную власть в стране).

Состоявшийся 4 мая 1986 г. 18-й пленум ЦК НДПА официально оформил принятое в Москве решение о смещении Б. Кармалю с высшего партийного поста под стандартным предложением – «по состоянию здоровья». В поддержку этого решения на пленуме в числе первых выступили лидеры и активные деятели халькистской фракции в партии – член политбюро С.М. Зерай и член ЦК А.Р. Арьян, а также секретари ЦК М.С. Карваль, Н.М. Моманд, член ЦК, начальник Генерального штаба афганской армии Ш.Н. Танай и другие.

Это сенсационная новость взбудоражила общественное мнение страны. Резко негативно, если не сказать враждебно, ее встретили в политически активной интеллектуальной среде столицы, где всегда были сильны симпатии к Б. Кармалю, как признанному политическому и государственному деятелю. Для этой среды не было секретом, что смена афганского руководства была задумана за пределами страны, в Москве. В Кабуле состоялись редкие в то время массовые антисоветские выступления. Стали распространяться листовки с осуждением Наджибуллы и его иноземных покровителей. Чтобы предотвратить дальнейшее нежелательное развитие событий, власти были вынуждены ввести бронетехнику и войска на улицы и площади столицы. Однако самым, пожалуй, печальным следствием этой недальновидной кадровой политики явилось дальнейшее, еще более глубокое размежевание в рядах НДПА и государственном руководстве по крыльевому, групповому и клановому признакам. Партия, которую с самого начала ее образования постоянно раздирали внутривнутрипартийные склоки и дразги, на сей раз окончательно оказалась на грани утраты способности к единению и сплочению своих рядов.

В момент смены высшего руководства в Кабуле не предусматривались какие–либо существенные изменения или корректировки во внутренней и внешней политике страны. Новый афганский лидер, выступая на указанном пленуме, обещал «неуклонно и последовательно продолжать выполнение решений 16 и 17-го пленумов ЦК ЦДПА и установок Революционного совета ДРА от 9 ноября 1985 г., нацеленных на расширение социальной базы власти и обеспечение активного участия рабочих, крестьян, торговцев, интеллигенции, частных предпринимателей, национальных лидеров, духовенства, женщин, молодежи, представителей всех национальностей, племен и этнических групп в общественных и государственных делах». В названных документах впервые за годы гражданской войны акцент был сделан в общенациональном масштабе на поиске национального согласия, примирения и компромиссов с оппозицией, на создании коалиционных органов власти и управления и умиротворении страны не через использование силы оружия, а посредством конструктивного диалога всех заинтересованных в мире сторон на базе интересов родины и всех афганцев. Хотя, впрочем, никогда не снимался и вопрос о вооруженной защите существовавшего в Афганистане левого режима и необходимости разгрома на поле боя вооруженных формирований непримиримой оппозиции. Подтверждением этому явились создание после 18-го пленума ЦК НДПА советов обороны на уровнях центра и провинций, упорные усилия властей по укомплектованию армии личным составом и повышению ее боеспособности, прикрытию границы с Пакистаном и Ираном и т.п. [2].

Заняв пост генерального секретаря ЦК НДПА, Наджибулла в первые месяцы во всех своих публичных выступлениях неизменно подчеркивал приверженность прежнему курсу в области внутренней и внешней политики, суть которой, по его словам, состояла в том, чтобы расширить социальную базу власти, радикально укрепить вооруженные силы и обеспечить коренной перелом в борьбе с непримиримой оппозицией, а также через продолжение женевского переговорного процесса добиться урегулирования

положения вокруг Афганистана [3]. Спустя полгода, 18 октября 1986 г. он, отвечая на вопрос одного иностранного журналиста, снова подтвердил неизменность намеченного при его предшественнике стратегического курса на прекращение кровопролития и установление мира и спокойствия на афганской земле. «Наша стратегия, – сказал он, – не изменилась. Что же касается политики, то она стала гибче. Новизна того, что мы называем обновлением стиля, заключается не в выдвижении каких-то новых пунктов или программных положений. Все нужные, правильные слова сказаны давно. Все проблемы – в их осуществлении» [4].

Прежние пути, средства и подходы, призванные умиротворить страну, были во всей своей полноте сохранены в решениях 19 и 20-го пленумов ЦК НДПА, которые состоялись соответственно 10 июля и 20 ноября 1986 г. Впрочем, в них чаще, чем прежде, стали употребляться понятия «национальное примирение» и «национальное согласие». Наджибулла, выступая на 19-м пленуме ЦК с докладом «О неотложных задачах партии и государственной власти», дал резко отрицательную и нелюбезную оценку положения в стране и деятельности всех звеньев партийно-государственного аппарата сверху донизу. При этом в докладе, вопреки традиции, совершенно отсутствовала ранее обязательная преамбула о достижениях и успехах в предшествующий между пленумами период. Уже в начале доклада Наджибулла с горечью констатировал, что партия и правительство ДРА, несмотря на предпринимаемые усилия и некоторые организационные меры, в частности создание советов обороны вплоть до провинциального уровня, так и не добились выполнения задач, поставленных 16-м пленумом ЦК [5].

Отвечая на поставленные им самим вопросы, почему власть топчется на месте в решении злободневных проблем, почему, имея количественно превосходящие вооруженные силы, она не может ликвидировать в стране бандитизм и почему не в состоянии привлечь на свою сторону деревню, Наджибулла назвал ряд причин, главными среди которых, по его мнению, были: разрыв между словом и делом в работе партийно-государственных структур, безответственность должностных лиц и отсутствие объективности в оценке ими своей деятельности, слабость революционной дисциплины, внутрипартийные распри и многочисленные ошибки. Для некоторых партийных и государственных чиновников, отметил Наджибулла, «революция закончилась тогда, когда они получили от нее все возможное: и звание, и высокое должностное положение, и личное благополучие». К этому добавились еще и изъяны в кадровой политике, согласно которым стало негласным правилом, как он сказал, «выдвигать тех или иных лиц на ответственные посты не по принципу преданности партии и ее идеалам, а на основе племенной, клановой и земляческой принадлежности и личной преданности отдельным деятелям». Отсюда, подытожил генсек, такие выдвиженцы «занимаются не делом, а склоками и внутрипартийными интригами ..., отдавая этому весь свой ум и энергию» [6].

Заканчивая доклад, Наджибулла призвал участников пленума: «В период, оставшийся до 10-й годовщины Апрельской революции, мы должны сделать все возможное, чтобы покончить с войной и кровопролитием и отметить эту дату в условиях мира и спокойствия на древней афганской земле» [7]. К сожалению, этому не суждено было сбыться. В условиях прогрессирующего ухудшения военно-политической обстановки внутри и вокруг Афганистана данный оптимизм Наджибуллы был скорее пропагандистским лозунгом и политической риторикой, чем отражением объективной реальности.

В принятом 19-м пленумом постановлении были в основном, за небольшим исключением, повторены установки 16-го (кармалевского) партийного пленума. Речь снова шла об острейшей необходимости повышения боеспособности афганских вооруженных сил и принятия мер по сокращению массового дезертирства, надежного прикрытия границы с Пакистаном и Ираном, расширения социальной базы власти и создания коалиционных органов управления в центре и на местах, повышения

эффективности работы общественных организаций в рамках общего фронта борьбы против вооруженной контрреволюции, укрепления единства партийных рядов и повышения их боевитости, дальнейшего развития диалога с оппозиционными леводемократическими организациями, решения на справедливой основе национального вопроса, принятия мер по развитию экономики и продолжения женеvского переговорного процесса по политическому урегулированию положения вокруг Афганистана. Особое внимание в постановлении было уделено мерам по активизации деятельности государственных органов всех уровней, Советов обороны зон и провинций и, особенно, Национального отечественного фронта и Всеафганской комиссии по национальному примирению [8].

Пленум рассмотрел также и организационный вопрос. В соответствии с принятым решением, почти в два раза был расширен состав ЦК НДПА в основном за счет увеличения в нем представительства членов фракции Парчам и лояльных Наджибулле лиц. В частности, из пяти человек, вновь избранных в политбюро и секретариат ЦК НДПА, четверо (Сулейман Лайек – член политбюро, Гулям Фарук Якуби – кандидат в члены политбюро, Наджмуддин Ахгар Кавьяни и Хайдар Масуд – секретари ЦК) принадлежали к фракции Парчам и только один (Мир Сахиб Карваль – кандидат в члены политбюро) – к Хальк. Среди 15 человек, переведенных из прежнего состава кандидатов в члены ЦК партии, 10 лиц входили в крыло Парчам, 4 – Хальк (персонально Хонар Гайрат и генералы Сайфулла, Дост Мухаммад и Мухаммад Фарук) и один (Фазль Ахмад Тогьян) ранее относился к группировке Группа труда (см. Приложение 1). Представители крыла Парчам преобладали и среди вновь избранных пленумом 70 кандидатов в члены ЦК и членов ЦК партии. В состав ЦК были также введены 4 крестьянина, 13 рабочих и большая группа военных, в их числе и один солдат. Подавляющее большинство данного высшего партийного органа, как и прежде, составляли выходцы из среды интеллигенции и чиновничества.

Наряду с обновлением состава ЦК, пленум положил начало чистке партийных органов от наиболее ярых приверженцев Б. Кармаля. В числе первых оказался секретарь ЦК НДПА Мухаммад Ясин Садеки, накануне издавший листовку с протестом против избрания Наджибуллы генсеком. Освобождение М.Я.Садеки от занимаемого поста было связано, как говорилось в постановлении пленума, «с его просьбой перейти на другую работу». Впрочем, эту «другую работу» он так и не получил. Кроме него, из состава ЦК были выведены посол ДРА в Монголии Асадулла Сарвари, секретарь провинциального комитета НДПА и губернатор Герата Абдул Гаффар Азад и секретарь президиума Революционного совета ДРА, помощник Б. Кармаля Мухаммад Анвар Фарзам.

Пленум также рассмотрел вопрос о принятии в НДПА Революционного общества трудящихся Афганистана (РОБТА) и других леводемократических организаций. Лидер РОБТА Мухаммад Захир Офок был введен в состав ЦК НДПА [9].

Несколько позже, 10 сентября, был подписан протокол о полном идеологическом, политическом и организационном единстве с НДПА Авангардной организации молодых рабочих Афганистана (АОМРА), а 21 октября – Авангардной организации трудящихся Афганистана (АОТА) [10]. Их руководители Абдушшокур Хушачин и Таза-хан Виаль, согласно решению 20-го пленума, вошли в состав ЦК НДПА, а несколько позже были назначены соответственно заведующим финансово-хозяйственным отделом и заместителем заведующего организационным отделом ЦК партии.

Летом и осенью 1986 г., несмотря на все предпринимавшиеся Кабулом меры, военно-политическая и социально-экономическая обстановка в стране продолжала оставаться крайне напряженной. Вооруженная оппозиция, опираясь на щедрую военную, финансовую и морально-политическую помощь и поддержку извне и будучи уверенной в своей военной победе, упорно наращивала силовое давление на кабульский режим. Она контролировала значительную часть сельской периферии Афганистана. Под ее постоянными ударами находились все крупные административные центры страны, в том числе и столица, важные промышленные и инфраструктурные объекты, линии

коммуникаций и электропередач. В плачевном положении находилась и экономика страны. План экономического и социального развития ДРА, разработанный и принятый в марте 1986 г., практически не выполнялся. По признанию председателя Совета министров ДРА С.А. Кештманда, сделанному им в октябре 1986 г., «положение трудящихся существенно не улучшается, и они не ощущают заботы партии и власти» [11]. Неблагополучие в социально-экономической сфере дополнялось глубоко зашедшим разложением партийно-государственного аппарата, погрязшего в коррупции, взяточничестве, воровстве, злоупотреблениях служебным положением. Правящую партию продолжали в еще больших масштабах, чем прежде, раздирать межфракционные, клановые и групповые склоки, интриги и раздоры. Топтался на месте женевский переговорный процесс (см. об этом в разделе «Проблема урегулирования положения вокруг Афганистана» настоящей книги).

Во второй половине 1986 г. левый кабульский режим смог записать в свой актив немного, в частности: некоторое укрепление боевого потенциала вооруженных Сил в «афганском треугольнике» Кабул–Кандагар–Герат, разгром ряда бандформирований в северных провинциях и установленные здесь прочные связи с советскими республиками Средней Азии, завершение формирования частей погранвойск и определенное улучшение сотрудничества с пуштунскими племенами в рамках мер по прикрытию границы с Пакистаном и Ираном, снижение дезертирства в силовых структурах, явившееся следствием улучшения материально-бытовых условий солдат и офицеров и усиления политико-воспитательной работы в войсках, проведение выборов в местные органы государственной власти во всех провинциях и округах (было избрано 14 тысяч представителей народа в более чем 1 тыс. местных Советов), завершение разработки под председательством Б.Кармаля проекта новой конституции, создание в рамках НОФ Высшей чрезвычайной комиссии по национальному примирению [12].

Следует отметить, что содержание курса на национальное примирение до конца 1986 г. все еще не было достаточно четко очерчено. По мнению главы афганского государства, которое он высказал в одном из своих выступлений в октябре 1986 г., политика национального примирения сводилась им лишь к расширению социальной базы власти, укреплению политической системы общества, стержнем которой являлась НДПА, решению внутренних проблем, таких как крестьянский вопрос и расширение контактов с частным предпринимательством, завершению женевских афгано-пакистанских переговоров. Наджибулла по-прежнему считал определяющим звеном в афганском урегулировании его военную составляющую. «Путь к примирению, – говорил он, – лежит через укрепление вооруженных сил. С нами будут разговаривать, если мы будем еще сильнее (подчеркнуто мною. – М.С.). [13] Вряд ли можно было оспаривать эту истину и тогда, во второй половине 80-х годов, и спустя годы, если исходить из интересов будущего мирного и демократического развития Афганистана.

Новое афганское руководство, как, впрочем, и прежнее, при всем своем внимании к различным аспектам национального примирения, несмотря на публичные заявления о готовности идти на компромиссы с вооруженной оппозицией, в основном ограничивалось в этом вопросе тайными операциями спецслужб по склонению бандформирований и их полевых командиров к сотрудничеству с властями и прекращению сопротивления. Хотя, надо признать, имели место и эпизодические контакты по линии советских и афганских спецслужб и дипломатических работников с некоторыми лидерами антиправительственных группировок, которые базировались в Пакистане и Иране. Но эти контакты особых результатов не давали.

Курс на национальное примирение не был конкретизирован и расширен до поисков компромиссов с вооруженной оппозицией и на 20-м пленуме ЦК НДПА, который состоялся 20 ноября 1986 г. Наджибулла, выступая на нем с основным докладом, в своих подходах к решению самой острой проблемы страны – прекращению кровопролития и братоубийства, установлению мира и безопасности на афганской земле – практически не

вышел за рамки установок 16 и 17-го пленумов ЦК НДПА и постановления РС ДРА от 9 ноября 1985 г.

Основное место (по своей политической значимости) в работе 20-го пленума вновь занял организационный вопрос. На нем с завидным и политически не оправданным упорством была продолжена линия на расширение представительства в высших партийных органах членов крыла Парчам. Так, членом политбюро ЦК был избран министр государственной безопасности Гулям Фарук Якуби, наиболее доверенное лицо Наджибуллы, а кандидатом в члены политбюро – Фарид Ахмад Маздак, 1-й секретарь ДОМА. Из 18 вновь избранных членов и кандидатов в члены ЦК НДПА, по крайней мере, 11 лиц принадлежали к парчамистскому крылу.

Следует заметить, что в Афганистане на кадровую политику огромное влияние оказывали представительства различных советских ведомств, работавшие в то время в этой стране. Все они фактически стояли за всеми сколько-нибудь значимыми кадровыми перестановками. При этом представители советских силовых ведомств (МО и МВД), осуществлявшие свою деятельность преимущественно в халькистском окружении, с присущей им профессиональной напористостью «двигали» в партийно-государственные структуры, в том числе и высшие, в основном халькистов, а партсоветники, представительство КГБ и советское посольство в Кабуле чаще всего выступали в роли радетелей парчамистов, в среде которых они, как правило, вращались. Так что перекосы в кадровой политике в ДРА, день ото дня еще больше усиливавшие внутривнутрипартийные разногласия, были результатом не только (и, пожалуй, не столько) в общем-то оправданного стремления Наджибуллы создать себе надежную опору в стране и партии, но и следствием грубого вмешательства московских ведомств в расстановку афганских кадров.

20-й пленум ЦК НДПА подвел черту под политической карьерой Б.Кармаля, одного из основателей партии. Уже тогда ни для кого в Афганистане не было секретом, что устранение с политической арены этого известного и авторитетного в стране деятеля было задумано и инспирировано Москвой и, естественно, осуществлялось не без желания Наджибуллы избавиться от опеки своего бывшего учителя и таким образом развязать себе руки в проведении внутренней и внешней политики. В своем письме, адресованном ЦК НДПА и РС ДРА, Б. Кармаль писал: «В нынешней специфической ситуации, по известным причинам, которые мною были изложены ранее, почтительно прошу принять мою отставку с партийных и государственных постов» (напомню: Б. Кармаль в то время оставался членом политбюро ЦК НДПА, председателем президиума Революционного совета ДРА и председателем Революционного совета ДРА) [14]. Мотивируя свою просьбу об отставке, он ни словом не обмолвился о плохом состоянии своего здоровья как препятствии к исполнению им должностных обязанностей.

Зато Наджибулла, зачитав указанное письмо Б. Кармаля, в своем выступлении по этому поводу назвал единственной причиной освобождения последнего от занимаемых постов только и только плохое состояние его здоровья. Аргументация Наджибуллы на сей счет заслуживает того, чтобы привести ее здесь, по возможности, полнее: «Годы борьбы в оппозиции, – говорил Наджибулла, – а затем огромная работа одновременно на трех важнейших постах серьезно сказались на здоровье, силах и энергии Б. Кармаля. Мы, его близкие товарищи и друзья, видели, как это бремя громадной ответственности подрывало его здоровье». Далее Наджибулла, фактически связав освобождение Б. Кармаля в 1981 году от поста председателя Совета министров ДРА, а в 1986 году и от поста генерального секретаря ЦК НДПА только с состоянием его здоровья, продолжал: «Последние шесть месяцев показали что сейчас, с завершением формирования местных органов государственной власти и в связи с разработкой новой конституции для товарища Кармаля оказались трудными повседневная работа и практическое решение огромного количества проблем, которые ставит перед ним жизнь». Заканчивая объяснение причины отставки Б. Кармаля, Наджибулла сказал: «Мы, члены политбюро и члены Революционного совета ДРА, руководствуясь принципами гуманизма и

благородными чувствами дружбы, считаем возможным удовлетворить просьбу товарища Кармаля об отставке» [15]. Пленум единогласно принял отставку Б. Кармаля, однако оставил его членом ЦК партии и членом Революционного совета ДРА. В начале мая 1987 г. Б. Кармаль вместе с семьей отправился в Москву в почетную ссылку. Его внутрипартийные противники – халькисты торжествовали: им казалось, что в новой ситуации они снова займут достойное место в руководстве страной и партией.

Устранение Б. Кармаля с арены активной политической деятельности и приведение к власти в ДРА нового руководства совпали по времени с разворачивавшейся в СССР так называемой «перестройкой» и практической реализацией горбачевского курса на сближение с Западом в духе «нового политического мышления». Одним из составных элементов этого курса стало решение кремлевских вождей как можно быстрее и любой ценой выбраться из афганского капкана с тем, чтобы снять с плеч советского государства огромное бремя материальных, финансовых и военных расходов по Афганистану, разблокировать этот региональный конфликт и вернуть своей стране доброе имя на международной арене. Необходимо заметить, что в Москве к концу 1986 г. окончательно вызрела идея по национальному примирению в Афганистане, хотя, впрочем, в высших эшелонах советского руководства еще не было полного единодушия по вопросу о возможных пределах компромиссов со стороны официального Кабула во внутриафганском урегулировании (см. об этом в разделе «Проблема урегулирования положения вокруг Афганистана» настоящей книги).

4 декабря 1986 г., в преддверии начала в Афганистане широкомасштабной кампании по национальному примирению, нацеленной на создание необходимой прочности левому кабульскому режиму в связи с предстоящим выводом советских войск из страны, в афганской столице состоялось заседание политбюро ЦК НДПА, на котором с учетом рекомендации Кремля было принято решение о смене руководства ключевых министерств – обороны и иностранных дел. В соответствии с этим решением, на пост министра обороны был назначен генерал-майор, парчамист по крыльевой принадлежности Мухаммад Рафи. Его предшественник генерал-полковник Назар Мухаммад, никогда не скрывавший своих халькистских взглядов, получил кресло первого заместителя председателя Совета министров ДРА. В тот же день Наджибулла, как главнокомандующий вооруженными силами Афганистана, встретился в министерстве обороны с высшим командным составом армии и представил нового министра. Выступая перед участниками собрания, Наджибулла обосновал смену руководства военного ведомства необходимостью «повысить боеспособность афганской армии и ее готовность самостоятельно воевать на фронтах необъявленной войны в условиях частичного вывода из страны ограниченного контингента советских войск» [16]. Этим же решением политбюро ЦК главой внешнеполитического ведомства был назначен Абдул Вакиль (крыло Парчам). Бывший до него (с 1980 г.) министр иностранных дел Шах Мухаммад Дост был направлен в Нью-Йорк в качестве государственного министра по иностранным делам, постоянным представителем ДРА в ООН [17].

Через неделю после указанных кадровых перемещений в Советский Союз по приглашению ЦК КПСС и президиума Верховного Совета СССР с официальным дружественным визитом прибыла представительная афганская партийно-правительственная делегация во главе с Наджибуллой. В состав делегации, кроме Наджибуллы, входили председатель Совета министров ДРА С.А. Кештманд, члены политбюро ЦК НДПА С.М. Зерай и Н.А. Нур, министр обороны М. Рафи, министр государственной безопасности Г.Ф. Якуби, министр внутренних дел С.М. Гулабзой и министр иностранных дел А.Вакиль. С советской стороны в переговорах участвовали М.С. Горбачев, Н.И. Рыжков, В.М. Чебриков, Э.А. Шеварднадзе, С.Л. Соколов, Н.В. Талызин и А.Ф. Добрынин.

По возвращении афганской делегации в Кабул итоги визита были подведены на состоявшемся 15 декабря заседании политбюро ЦК НДПА. На нем были подчеркнуты

конструктивный, содержательный и откровенный характер переговоров и совпадение взглядов сторон по всем обсуждавшимся вопросам, прежде всего, по национальному примирению. Политбюро, имея в виду решение советских руководителей о конкретных сроках вывода советских войск из Афганистана, с удовлетворением отметило появление «реальных путей быстрой и кардинальной нормализации обстановки вокруг Афганистана» [18].

Курс на национальное примирение

30–31 декабря 1986 г. в Кабуле был созван Чрезвычайный расширенный пленум ЦК НДПА, рассмотревший вопрос «О задачах партии в связи с осуществлением политики национального примирения». На пленуме, кроме членов ЦК, присутствовали видные общественные, политические и военные деятели, главы афганских дипломатических представительств за рубежом, известные авторитеты страны. С большим докладом на нем выступил Наджибулла. Обсуждение доклада проходило сначала по секциям, [19] а затем (31 декабря) – на пленарном заседании. Всего на пленуме выступило 145 человек (из них 135 человек – на секционных заседаниях).

В начале доклада Наджибулла дал оценку визиту афганской делегации в Москву, назвав его «переломным этапом в истории нового Афганистана» [20]. Далее он подробно изложил перед участниками пленума суть и дух московских договоренностей (хотя прямо об этом и не сказал) по проблеме национального примирения, в частности мотивацию необходимости политики национального примирения, ее цели, содержание, механизм и этапы осуществления. «Примирение, – подчеркнул он, – не поражение, не капитуляция, не сдача позиций», а «прежде всего понимание того, что народ устал от затянувшейся войны и требует долгожданного мира, прекращения кровопролития». В связи с этим было заявлено, что главнейшая цель курса на ускорение национального примирения состоит именно в том, чтобы, в первую очередь, восстановить мир и безопасность на афганской земле, а также обеспечить полное осуществление программы действий НДПА, гарантировать Афганистану статус суверенного, неприсоединившегося, независимого, демократического государства и укрепить правящий режим в стране, верный дружбе с Советским Союзом.

Раскрывая содержание политики национального примирения, Наджибулла в своем докладе на пленуме выделил два направления: внутреннее и внешнее. В области внутренней политики предлагалось:

- прекращение огня всеми противоборствующими сторонами с 15 января 1987 г. как предварительного шага к миру и решению вопроса об организации справедливого и представительного управления Афганистаном;
- смелое и открытое установление контактов с вооруженной оппозицией и нейтралами;
- привлечение племенных вождей и местных авторитетов зон племен, а также Нуристана и Хазараджата к сотрудничеству с народной властью;
- внимание к пассивным и нейтральным бандам и принятие организационных мер вплоть до создания ими местных органов управления для обеспечения связи с государством;
- решительный переход к диалогу с политическими силами, находящимися в оппозиции, которые могут пойти на компромисс с властью;
- активизация контактов с видными деятелями прежних режимов, а также с исламскими партиями, которые склонны следовать независимой линии;
- на нынешнем этапе возможно создание коалиционного правительства национального единства с участием представителей названных выше группировок;
- примирение с другими политическими силами, которые в процессе национального примирения встанут на позиции существующей в стране власти;
- создание необходимых условий и содействие возвращению на родину афганских

беженцев, оказавшихся в силу разных причин на чужбине.

Уточняя круг политических сил, которые могли бы принять участие в процессе национального примирения, Наджибулла назвал различные группировки центристского и монархического толка и лидеров вооруженных антиправительственных сил, действующих за рубежом. Другими мерами, содействующим процессу национального примирения, по мнению докладчика, могли бы стать всенародное обсуждение проекта конституции Афганистана с активным участием в нем противоборствующей стороны, выборы представителей оппозиции в органы местной власти и в Национальный народный совет (парламент) и широкая амнистия содержащихся в тюрьмах лиц, которые откажутся совершать враждебные действия против властей.

В докладе Наджибуллы был раскрыт и механизм реализации политики национального примирения. Его основным рабочим органом должны были стать чрезвычайные комиссии по примирению на различных уровнях от деревни до провинции и созываемые ими джирги мира. Предусматривалось, что в состав чрезвычайных комиссий войдут самые авторитетные лица, старейшины, муллы, представители партийных и государственных органов, нейтральной и противоположной сторон. Возглавлять такие комиссии должны были, как правило, председатели соответствующих организаций Национального отечественного фронта (НОФ).

Важнейшим инструментом примирения признавались экономика и социальная сфера, а именно: всемерное стимулирование сельскохозяйственного и промышленного производства, создание новых рабочих мест, увеличение капиталовложений в социальные программы (образование, медицинское и культурно-бытовое обслуживание), недопущение падения жизненного уровня народа и т.д. Особая роль в осуществлении политики национального примирения отводилась различным слоям и группам афганского общества – крестьянам, рабочим, частным предпринимателям, торговцам, интеллигенции, кочевникам и особенно духовенству и племенам, а также соотечественникам за рубежом.

Говоря о международных аспектах национального примирения, Наджибулла большие надежды возложил на содействие этому процессу со стороны Движения неприсоединения (ДН), Организации Исламская конференция (ОИК), исламских стран, ООН, а также на успешное завершение женевского афгано-пакистанского диалога.

Заканчивая свой доклад, Наджибулла снова вернулся к щекотливой и весьма болезненной внутрипартийной проблеме – проблеме единства. Как он сказал, «чрезвычайная ситуация требует чрезвычайных действий», среди которых «на первом месте – монолитное единство, сплоченность наших рядов, хладнокровие». «Может случиться и так, – продолжал афганский лидер, – что в процессе осуществления национального примирения мы столкнемся с непредвиденными обстоятельствами и придется не только наступать, но и отступать».

На данном чрезвычайном пленуме был рассмотрен также и организационный вопрос. Членами политбюро ЦК НДПА были избраны Абдул Зохур Размджу и Абдул Вакиль (оба принадлежали к крылу Парчам). ЦК партии пополнился новыми восьмью членами, из которых шесть партийцев были переведены из кандидатов в члены ЦК. Кроме того, семь человек были избраны кандидатами в члены ЦК. [21]

Несколько дней спустя (3 января 1987 г.) было созвано чрезвычайное заседание Революционного совета ДРА с участием в его работе членов политбюро ЦК НДПА и правительства страны, на котором с учетом рекомендаций Чрезвычайного расширенного пленума ЦК НДПА была принята «Декларация о национальном примирении в Афганистане». [22] В ней официально, от имени высшего законодательного органа страны объявлялось о приостановке боевых операций и прекращении огня из всех видов оружия с 15 января 1987 г. и возвращении войск в места постоянной дислокации с переходом их к воинской деятельности в условиях мирного времени. Вооруженные силы страны, в соответствии с данной Декларацией, получили приказ осуществлять свои функции по охране государственной границы ДРА, государственных и военных

объектов, обеспечивать безопасность движения транспортных колонн и выполнять другие сугубо оборонительные и хозяйственные задачи. При этом подчеркивалось, что прекращение огня будет продолжено до 27 апреля (9-й годовщины Апрельской революции), если противоборствующая сторона даст положительный ответ на мирные инициативы Кабула. Кабульские власти выразили также свою полную готовность вступить в переговоры с вооруженной оппозицией и в ходе их пойти на компромиссы и уступки ради восстановления мира на афганской земле.

Одновременно противоборствующей стороне предлагалось:

- прекратить огонь из всех видов оружия по городам, деревням, воинским частям, воздушным и наземным транспортным средствам;
- остановить доставку и размещение на всей территории ДРА оружия и боеприпасов;
- прекратить минирование дорог и любые террористические акты и диверсии.

В Декларации по национальному примирению, а затем и в специальном Указе РС ДРА были подробно изложены механизм осуществления политики национального примирения и prerogative ее главных органов: чрезвычайных комиссий, создаваемых на уровне деревни, волости, уезда, провинции и всей страны, джирг мира и зон мира. Весьма широкие полномочия получила Высшая чрезвычайная комиссия по национальному примирению (она была образована еще в октябре 1986 г. по инициативе Высшего совета улемов и духовенства ДРА). В ее новый состав на добровольной основе вошли 297 человек, а в ее президиум – 35. Председателем Высшей чрезвычайной комиссии снова был избран А.Р. Хатеф, [23] а его заместителями – видный пуштунский племенной авторитет, бывший сенатор при королевском режиме Хаджи Мухаммад Цамкани, член политбюро ЦК НДПА Н.А.Нур, глава секты исмаилитов Афганистана Сеид Мансур Надери, известный коммерсант хаджи Незамуддин и крупный предприниматель, заместитель председателя Совета министров ДРА Мир Амануддин Амин (секретарь Комиссии) [24].

По этой Декларации джирги мира и их исполнительные органы – чрезвычайные комиссии наделялись следующими правами: непосредственно осуществлять всю социальную, в том числе и гуманитарную, помощь местному населению, решать проблемы земледелия и землепользования, проводить выборы местных народных судей, проводить отбор и направление добровольцев в вооруженные силы вместо принудительного призыва, в определенных ситуациях приостанавливать сбор поземельного налога и штрафов, принимать участие в разрешении частных, групповых и племенных споров и конфликтов, обращаться с жалобами в высшие государственные инстанции на неправомерные действия местного чиновничьего аппарата, предоставлять льготы и привилегии отдельным лицам в торговле товарами первой необходимости в пределах своих районов и вне их, самостоятельно формировать местные органы власти, вести переговоры с вооруженными оппозиционными группами и заключать с ними соглашения о прекращении сопротивления и сотрудничестве в вопросах обеспечения безопасности населения и охраны конкретных объектов и др. [25].

Кроме того, РС ДРА снова подтвердил в указанной Декларации намерение властей провести в стране всеобщую амнистию. Соответствующий Указ президиум РС ДРА утвердил 24 января 1987 г. Согласно ему, амнистии подлежали лица, которые сложат оружие и откажутся от враждебных действий против государства. Было также заявлено о стремлении властей создать правительство национального единства до придания ему коалиционного характера, с привлечением в его состав широкого круга политических сил как внутри страны, так и за ее пределами. [26]

В эти же январские дни вопросы мира и безопасности в стране обсуждались и на заседании Высшей чрезвычайной комиссии по национальному примирению. На нем с речью выступил Наджибулла.

В самый разгар подготовки официального Кабула к практическому осуществлению в стране политики национального примирения в афганскую столицу с рабочим визитом прибыли министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварнадзе и секретарь ЦК КПСС А.Ф.

Добрынин. Их сопровождали заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС А. Урнов, заведующий отделом МИДа Ю. Алексеев и помощник министра иностранных дел СССР Т. Степанов. В течение 5–7 января они встречались в расширенном и узком составе с Наджибуллой, С.А. Кештмандом, С.М. Зераем, Н.А. Нуром, А. Вакилем, М. Рафи, Г.Ф. Якуби, С.М. Гулабзоем и в ходе продолжительных бесед с ними обсудили многие вопросы углубления советско-афганского технико-экономического и торгового сотрудничества, в том числе и развития приграничных связей и торговли, содействия СССР процессу реализации политики национального примирения и увязки этого процесса с мерами по политическому урегулированию положения вокруг Афганистана [27].

Завершающим актом в череде организационно–политических мер по развертыванию в стране кампании национального примирения явился 2-й съезд Национального отечественного фронта ДРА, состоявшийся в Кабуле 14–15 января 1987 г. В его работе приняли участие более 850 представителей советов НОФ со всего Афганистана. Кроме того, на нем присутствовали генеральный секретарь ЦК НДПА Наджибулла, исполняющий обязанности председателя президиума РС ДРА Х.М.Цамкани, члены политбюро ЦК НДПА, представители племен и народностей страны, общественных организаций, различных социальных групп общества и афганских репатриантов, а также приглашенные на съезд делегации из 25 зарубежных стран и организаций (Индии, Пакистана, Ирана, Сирии, Судана, Египта, Кубы, Кампучии, Болгарии, Кипра, Никарагуа, Финляндии, КНДР, СССР, ОСНАА, ВФП, Национального конгресса Палестины и др.) [28].

На съезде с докладом о деятельности Центрального совета НОФ по мобилизации национально–патриотических и демократических сил на проведение прогрессивных преобразований в стране и роли Фронта в осуществлении политики национального примирения выступил председатель ЦС НОФ А.Р. Хатеф. К делегатам съезда с эмоционально насыщенной речью обратился Наджибулла. Он подробно обосновал жизненную необходимость для страны политики национального примирения, ее цели, принципы, задачи и механизм осуществления и особую роль Фронта и его структур в этом процессе. Вместе с тем Наджибулла обратил внимание участников съезда на недостатки и упущения в деятельности НОФ, в частности отметил его недостаточную массовость (к тому времени количество индивидуальных членов организации составляло только 120 тысяч человек), слабую координацию работы между коллективными членами НОФ и плохое взаимодействие между его индивидуальными и коллективными членами, пассивность в работе по привлечению в ряды Фронта оппозиционных сил, низкий авторитет и слабое влияние местных структур Фронта среди населения и др. [29].

После детального обсуждения различных аспектов сложившейся в стране ситуации съезд единодушно поддержал политику национального примирения и выразил полную готовность всеми своими структурами принять участие в процессе ее претворения в жизнь с тем, чтобы обеспечить прекращение братоубийственной войны в Афганистане. Было принято также решение внести в Устав Фронта соответствующие духу времени поправки и изменить его название на «Национальный фронт Демократической Республики Афганистан» (с конца 1987 г. – Национальный фронт Республики Афганистан). Съезд избрал новый состав Центрального совета НФ ДРА. Его председателем повторно стал А.Р. Хатеф, а его первым заместителем – член ЦК НДПА Феда Мухаммад Дехнешин [30].

Политика национального примирения в действии

Практическая реализация курса на национальное примирение в его полном объеме стартовала 15 января 1987 г. с обнародованием в средствах массовой информации страны «Обращения генерального секретаря ЦК НДПА Наджибуллы, основанного на

послании Центрального комитета НДПА, Революционного совета и правительства ДРА, Национального отечественного фронта, Совета улемов и духовенства и Афганского союза вдов погибших, ко всем гражданам свободного и независимого Афганистана» [31]. В Обращение вошли в обобщенной форме все установки по национальному примирению, одобренные накануне на Чрезвычайном пленуме ЦК НДПА, в Декларации РС ДРА, решениях 2-го съезда НОФ и Высшей чрезвычайной комиссии по национальному примирению. Обращаясь к афганскому народу, афганский лидер сообщил, что соответствующим органам ДРА даны указания осуществить начиная с 12.00 ночи 15 января ряд мер, призванных остановить бессмысленное кровопролитие в стране и обеспечить условия для переговоров с противоборствующей стороной об установлении на афганской земле долгожданного мира.

Наджибулла призвал вооруженную оппозицию без каких-либо предварительных условий установить в стране перемирие на шесть месяцев начиная с 12.00 ночи 15 января до 12.00 16 июля 1987 года. Между тем он предупредил противоборствующую сторону, что «если же в ответ на мирные шаги афганского правительства ее вооруженные отряды, группы или отдельные представители осуществят против властей ДРА какие-либо боевые действия, террористические акты или диверсии, то эти действия вызовут немедленные и сокрушительные ответные действия вооруженных сил ДРА».

В рассматриваемом Обращении было подчеркнуто, что прекращение огня и приостановка боевых действий обеими противоборствующими сторонами – не самоцель, а необходимое условие для «братского заинтересованного разговора на всех уровнях» с целью разработки и подписания, а затем и утверждения на чрезвычайной джирге мира «Договора о полном и бессрочном мире на афганской земле». По мысли официального Кабула, только после полного национального примирения в стране можно будет создать государственную и местную власть с гарантированным участием представителей обеих сторон, обеспечить беспрепятственное возвращение в родной дом всех афганских граждан, покинувших страну, провести полную и на все времена амнистию, независимо от тяжести прошлой вины, и предоставить амнистированным все права и обязанности граждан Афганистана, в том числе и право занимать высшие государственные должности. Последнее явно адресовалось лидерам афганской вооруженной оппозиции.

Что касается вопроса о выводе из страны советских войск, то Наджибулла, снова повторив прежнюю советско-афганскую точку зрения, указал, что это будет возможно только «после установления долгожданного и окончательного мира на афганской земле и при невозобновлении вмешательства извне».

Политика национального примирения, провозглашенная Кабулом, была далеко не однозначно встречена и внутри страны, и за рубежом. Подавляющее большинство мирного населения Афганистана, уставшего от бессмысленного кровопролития, встретило ее восторженно. Особые надежды на примирение вызывала решимость властей прекратить огонь и пойти на огромные уступки противоборствующей стороне вплоть до отказа НДПА от монополии на власть, ее полной готовности сотрудничать с оппозицией в создании коалиционного правительства и местных органов власти и управления и даже включения боевых формирований мятежников в вооруженные силы ДРА и предоставления их полевым командирам статуса офицеров афганской армии. Примечательно, что и заметная часть афганских беженцев, проживавших в лагерях в Пакистане, несмотря на драконовский контроль за их жизнью со стороны пакистанских спецслужб и непримиримой афганской оппозиции, выразила на состоявшихся там многочисленных митингах и собраниях свою поддержку призыву Кабула к примирению.

Что касается лидеров афганской вооруженной оппозиции, то они уже 17 января, собравшись на совещание в Пешаваре, решительно отвергли мирные инициативы ДРА и вновь подтвердили свое намерение и дальше вести вооруженную борьбу до победного конца [32]. Незамедлительно о продолжении всесторонней поддержки афганской оппозиции в ее борьбе против «красного» Кабула и Советов заявили официальные круги

Исламабада и Вашингтона. В Пакистан зачастили рейгановские эмиссары, чтобы не допустить прекращения афганского сопротивления. Вслед за этим Вашингтон объявил о своем решении предоставить афганским «борцам за свободу» 600 ракет «Стингер» и дальнобойные тяжелые минометы. Военная помощь США моджахедам в 1987 году достигла 630 млн. долларов (по сравнению с 470 млн. долларов в 1986 г.) [33]. Еще больший накал, чем прежде, приобрела информационная война против ДРА и СССР. В целом реакция западных СМИ на политику национального примирения в Афганистане колебалась тогда в диапазоне от полного замалчивания до полного ее отрицания как пути политического урегулирования афганской проблемы (см. об этом в разделе «Афганистан: уроки информационной войны» данной книги).

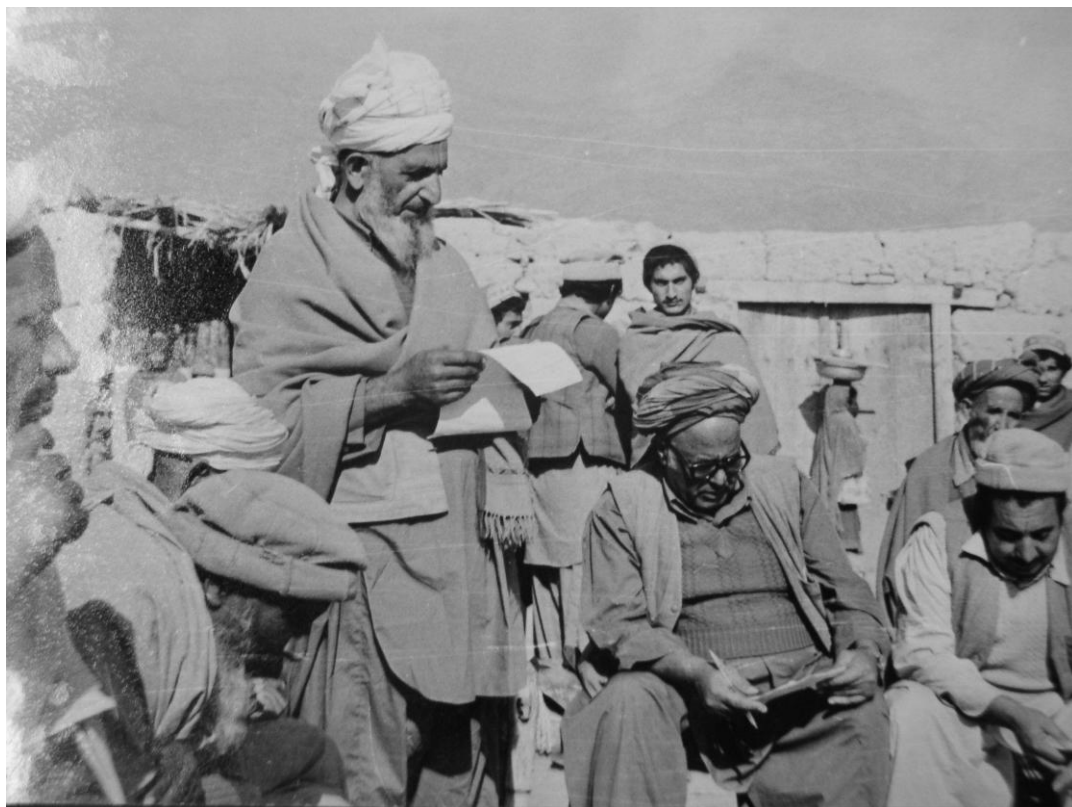
К сожалению, не было единодушия по вопросу о национальном примирении и внутри НДПА. Ряд ее членов, прежде всего из числа сторонников Б. Кармаля, расценивал уступки правящей верхушки ДРА противоборствующей стороне слишком чрезмерными и равноценными по своей сути сдаче позиций перед противником. Правда, такого рода внутривластные настроения на первых порах высказывались кулуарно, в узком кругу. Тем не менее они были известны высшему партийно–государственному руководству страны. Наджибулла, выступая 18 января на пресс–конференции для иностранных журналистов, вынужден был признать наличие в партии определенного несогласия с провозглашенным ею курсом, однако охарактеризовал это не как разногласия, а как «непонимание некоторыми членами партии политики национального примирения» [34]. Что касается фракции Хальк, то она устами ее лидеров всецело поддержала объявление политики национального примирения и отнесла ее к числу «хороших начинаний» [35].

В первое время после объявления Кабулом одностороннего прекращения огня произошел ряд событий и в Афганистане, и за его пределами, которые не могли не вселять оптимизма относительно успеха курса на национальное примирение. В частности, за первые три дня, прошедшие после объявления о прекращении огня, на сторону властей в Фарьябе перешли 500 вооруженных мятежников, в Герате – 3,5 тысячи, в страну вернулось 120 семей афганских беженцев. 21 января 540 моджахедов сложили оружие в провинции Кабул. Стало заметно расти и число беженцев, возвращающихся на родину из Пакистана и Ирана. К началу февраля их число достигло 20 тысяч человек, а к середине марта – уже более 34 тысяч. Определенным позитивным фактом этого периода можно было считать и приглашение Организацией Исламская конференция кабульских журналистов для участия в выставке, которая проводилась в январе 1987 г. в Кувейте в рамках 5–й конференции ОИК на высшем уровне [36].

Следует особо отметить, что мирные инициативы Кабула, несмотря на развернутую западными СМИ мощную антисоветскую и антикабульскую пропагандистскую кампанию, встретили довольно широкую поддержку и одобрение в мире среди многочисленных зарубежных друзей афганской революции. В поддержку ПНП высказались многие пуштунские и белуджские племена Пакистана и демократические круги этой страны. Курс на примирение нашел положительный отклик и среди определенной части афганской диаспоры за рубежом. В их числе была и влиятельная нью–йоркская организация «Афганистан фаундейшн», основателем и лидером которой являлся Хан Зия–хан Насери, афганец по происхождению. Он после посещения Кабула и ознакомления с усилиями правительства ДРА по умиротворению страны выразил ему свою полную поддержку и заявил: «Народ Афганистана нуждается не в пулях, а в пище, не в саване, а одежде, не в кладбищах, а в жилье, не в ненависти, а любви, не в войне, а мире». Лестно отозвавшись об афганском лидере Наджибулле, Насери обещал донести свою позицию до конгрессменов США и всячески содействовать успеху женевских афгано–пакистанских переговоров и возвращению афганских беженцев к родным очагам [37].

Отказ лидеров непримиримой оппозиции пойти на прекращение огня и примирение не явился неожиданностью для левого кабульского режима и не остановил реализацию

провозглашенного им курса во внутренней политике. В сложившейся ситуации руководство ДРА, не оставляя попыток вступить по открытым и тайным каналам в диалог с лидерами вооруженной оппозиции, прежде всего с некоторыми деятелями умеренной ее части, по проблемам умиротворения страны, перенесло центр тяжести в своих усилиях на работу с полевыми командирами с целью склонить их к прекращению сопротивления и переходу на сторону властей. Первые результаты этих усилий были обнадеживающими. Так, 21 января, в «день открытых дверей», проводившийся в Кабуле в соответствии с Декларацией РС ДРА, на встречу с руководителями партии и правительства прибыло свыше 500 человек из различных группировок мятежников. К 10 февраля в целом по стране на сторону властей перешло более 20 вооруженных групп общей численностью свыше 10 тысяч человек.

1984 г. Старейшины племен моманд и шинвари на джирге, обсуждавшей вопросы прикрытия афгано-пакистанской границы от проникновения бандформирований (провинция Нангархар).

С огромной настойчивостью и размахом предпринимались меры в рамках ПНП и по другим направлениям. Уже к 5 февраля было создано, по официальным данным, 630 новых чрезвычайных комиссий по национальному примирению во всех провинциях, городах, уездах и многих кишлаках. В их состав вошли местные и духовные авторитеты, вожди и старейшины племен, известные общественные деятели, представители различных социальных слоев и групп населения. Только в провинции Пактия за первый месяц после объявления ПНП было проведено 228 больших племенных джирг и 339 митингов и собраний, на которых свыше 60 тысяч человек заявили о своей поддержке правительственного курса к миру. Вместе с тем продолжалась работа и по формированию коалиционных органов власти и управления. Так, к середине февраля в местные органы власти было избрано 750 мулл. 12 видных представителей духовенства вошли в Революционный совет ДРА. В состав правительства были введены четыре министра, которые занимали министерские посты еще при прежних (королевском и даудовском) режимах. Всего же в правительстве в тот период работали 38 (по другим данным, 35) беспартийных. Среди них был и бывший первый заместитель премьер-министра в кабинете М.Дауда (1975–1977 гг.) Мухаммад Хасан Шарк, назначенный в

начале января 1987 г. главой Центрального управления по делам репатриантов при Совете министров ДРА (в этом же году он стал заместителем премьер-министра, министром по делам репатриантов) [38]. Следует заметить, что в этой интенсивной и многогранной работе по национальному примирению тон задавал сам Наджибулла. Тогда, пожалуй, не было недели или дня, когда бы он не выступал по проблемам ПНП перед различными группами граждан и не встречался с ответственными государственными и общественными деятелями, вождями и старейшинами племен, лидерами оппозиции, духовными авторитетами, перешедшими на сторону властей полевыми командирами, представителями интеллектуальной элиты, крестьянами, рабочими, предпринимателями, иностранными и местными журналистами, зарубежными государственными и политическими деятелями и др.

Встретив решительный отказ лидеров вооруженной оппозиции принять предложенные Кабулом условия примирения, Наджибулла 25 февраля 1987 г. сделал еще один шаг по пути уступок. Выступая по телевидению в связи с началом в Женеве нового раунда афгано-пакистанских переговоров, он предложил противоборствующей стороне встретиться для переговоров или в афганской столице, или в любой нейтральной стране с целью обсуждения вопроса о создании правительства национального согласия. [39] Однако и этот призыв не был принят противниками «красного» Кабула. Они продолжали считать, что единственным путем решения афганской проблемы являются безусловная капитуляция кабульского режима и немедленный и безоговорочный вывод советских войск из страны с последующим формированием переходного правительства моджахедов без какого-либо участия в нем афганских левых [40].

Афганское руководство, тем не менее, не склонно было отказываться от курса на национальное примирение, считая его единственной разумной альтернативой войне, для реализации которой потребуется длительное время. Однако оно видело и пределы этого времени и пределы своего терпения. Наджибулла, отвечая в начале мая 1987 г. на вопросы корреспондента ливанской газеты «Ас-Сафир», отметил, что Кабул пока не хочет «решать свои конфликты с противоположной стороной только путем применения оружия». «Однако, – подчеркнул он, – после 15 июля мы не будем молчать перед фактом того, что наши непримиримые враги будут в открытую вести военные действия» [41].

Итоги осуществления курса на национальное примирение за первые 145 дней с момента его провозглашения были подведены на очередном пленуме ЦК НДПА, который состоялся 10 июня 1987 г. Выступая на нем, Наджибулла заявил, что главным достижением этого периода явилось то, что центральная власть в стране перешла от призывов, лозунгов и пожеланий по проблеме национального примирения к конкретным делам и добилась на этом поприще определенных успехов. «Однако, – сказал он, – наши цели все еще сияют как заснеженные горные вершины, которые порой кажутся то очень близко, то заволакиваются тучами» [42]. Было отмечено, что непримиримая оппозиция, действуя в чуждых стране интересах, отвергла призывы к примирению и не приостановила военные действия против центрального правительства, в связи с чем афганские вооруженные силы, строго соблюдавшие в течение первых 52 дней условия прекращения огня, вынуждены были предпринять ответные действия.

Афганский лидер, придерживаясь избранного курса на национальное примирение, снова выступил с рядом мирных инициатив, нацеленных на прекращение гражданской войны в стране. В частности, он призвал оппозицию разделить вместе с кабульским режимом власть в стране и занять многие государственные посты. Было предложено ввести в Афганистане многопартийную систему, в том числе и с участием в ней «партий альянса семи». «Мы не настаиваем, – говорил Наджибулла, – чтобы другие партии полностью соглашались с теорией, стратегией и тактикой НДПА. Они могут иметь свои собственные взгляды. Но, тем не менее, эти партии и организации должны обязательно выступать в поддержку общих целей – политики национального примирения, национального суверенитета, независимого и неприсоединившегося статуса страны, установления мира в Афганистане, сохранения исторической дружбы с Советским Союзом и развития добрососедских отношений с соседними странами». Было также выдвинуто предложение о создании в стране коалиции прогрессивных общественных и политических сил в рамках объединенного антивоенного движения.

В докладе на указанном пленуме генсека ЦК НДПА особое внимание было уделено сельской периферии и аграрной проблеме. «Главным фронтом борьбы за национальное примирение, – подчеркнул он, – являются сельская периферия и сердца наших крестьян». Здесь, по его словам, решающее значение имеет справедливое решение земельно–водных отношений. При этом он указал, что земельно–водная реформа, начатая после Апрельской революции, пока не дала ощутимых результатов, так как из 340 тысяч га земли, распределенных между крестьянами, под обработкой по разным причинам оказалась только одна четверть. С целью стимулирования сельскохозяйственного производства и повышения заинтересованности крестьян в результатах своего труда, заявил Наджибулла, президиум Ревсовета ДРА своим Указом об основных принципах решения земельно–водных отношений поднял максимальный размер владения землей с 6 до 20 га. Кроме того, согласно этому Указу, не подлежали никакому ограничению земельные наделы тех лиц, которые имели крупные фермы и вели механизированное хозяйство. Не лимитировались размеры вакуфных земель, включая вакуфы, относящиеся к святым местам, а также земельные владения активных участников процесса национального примирения [43].

Наджибулла, говоря о значении ПНП для смягчения международной напряженности и оздоровления ситуации в регионе, прозорливо заметал, что решение афганского вопроса в рамках проводимого правительством ДРА курса неизбежно положит конец превращению Афганистана в очаг реакции (в те годы термин «международный терроризм» еще не был в массовом обиходе. – М.С.).

На июньском (1987 г.) пленуме ЦК был поставлен также и организационный вопрос. Лидер партии в своем докладе с укором говорил о продолжающихся в рядах НДПА фракционизме, пассивности партийцев в работе, их недисциплинированности, о многих изъянах в кадровой политике. Следует заметить, что сам факт критики кадровой политики во многом был инспирирован крылом Хальк. И это возымело действие: двое его видных представителей были избраны пленумом в высшие партийные руководящие органы (министр внутренних дел, генерал–полковник С.М. Гулабзой – членом политбюро ЦК, а секретарь ЦК И.М. Моманд – кандидатом в члены политбюро). Кроме того, секретарь ЦК и заведующий Международным отделом ЦК НДПА Н.А. Кавьяни (Парчам) был избран кандидатом в члены политбюро ЦК. Из состава политбюро ЦК была выведена известная представительница крыла Парчам А. Ратебзад, как говорилось в официальном сообщении, «по ее просьбе» (если говорить точнее, ее убрали как нежелательного сторонника бывшего партийного лидера Б. Кармаля). Пленум принял постановление о подготовке к проведению общепартийной конференции по национальному примирению, а также отдельное решение об укреплении партийной, государственной и военной дисциплины на этапе национального примирения [44].

В начале июля Ревсовет ДРА, реализуя установки июньского (1987 г.) пленума ЦК НДПА по поиску мирного решения внутриафганской проблемы, принял «Закон о политических партиях» и положил таким образом начало формированию в стране многопартийной политической системы [45]. Несколько дней спустя (14 июля) Наджибулла выступил по телевидению с «Обращением к противоположной стороне». В нем он вновь пригласил оппозицию к диалогу, к совместному поиску разумного и достойного выхода из создавшегося в стране положения. При этом он подтвердил, что кабульское правительство исходит из того, что Афганистан после прекращения войны должен по-прежнему быть суверенным, нейтральным, неприсоединившимся государством, в котором религия ислам, как и прежде, останется религией страны. Призывая к установлению в Афганистане коалиционной формы правления, он перечислил общественно–политические силы и круги, которые, по его мнению, могли бы принять активное участие в процессе примирения. Среди них им были названы: сторонники бывшего короля Захир-шаха, тройственный союз политических партий (имелись в виду организации С.А. Гилани, С. Моджаддеди и М.Н. Мухаммади. – М.С.), общественно–политические деятели прежних режимов, главари второго звена

вооруженных групп, вожди племен, леводемократические организации, духовенство, частные предприниматели и торговцы, полевые командиры внутри страны, эмигранты и другие партии, организации, формирования и деятели внутри страны и за рубежом, заинтересованные в национальном примирении. Таким образом, Наджибулла фактически исключил из предлагавшегося им переговорного процесса по примирению фундаменталистскую (экстремистскую) часть вооруженной оппозиции (Г. Хекматъяра, Б. Раббани, М.Ю. Халеса и А.Р. Сайяфа). Примирающейся стороне было предложено занять в коалиционном правительстве 25 министерских кресел, а также и другие высшие государственные посты, в частности: заместителя председателя Ревсовета ДРА, а после принятия конституции страны и пост вице-президента; заместителя премьер-министра; Верховного судьи; министра по внешнеэкономическим связям; министров-советников по экономическим (социальным), юридическим вопросам и судопроизводству, послов по особым поручениям, а также высокие посты в министерствах иностранных дел, по делам народностей и племен, здравоохранения, по делам религии и вакуфов, горных дел и промышленности, высшего и среднего образования и др. Кроме того, Кабулом выражалась готовность рассмотреть с оппозицией после полного осуществления курса на национальное примирение даже вопрос о передаче ее представителю поста председателя Совета министров страны [46].

В соответствии с решением РС ДРА, с 15 июля было объявлено еще на полгода (до 15 января 1988 г.) прекращение огня со стороны вооруженных сил республики. В этот же день на всенародное обсуждение был вынесен проект новой конституции страны [47].

Вслед за телевизионным обращением Наджибуллы к противоборствующей стороне в Кабуле было обнародовано «Обращение Ревсовета и Совмина ДРА к главарям вооруженных оппозиционных групп, действующих внутри страны». Назвав последних «братьями из оппозиционных вооруженных групп», президиум РС и правительство ДРА официально предоставило им полномочия самостоятельно создавать государственные органы власти в кишлаках, волостях и уездах, то есть там, где они проживали, и обеспечивать на подвластной им территории мир и безопасность [48]. Нужно сказать, что указанный призыв, несмотря на то, что лидеры непримиримой вооруженной оппозиции, находившиеся за рубежом, по-прежнему продолжали отвергать любую мысль о примирении с кабульским «коммунистическим» правительством, все-таки нашел отклик у некоторой части полевых командиров внутри страны, уставших от войны и кровопролития. К концу августа 1987 г. они, пойдя на сотрудничество с властями, уже возглавляли 14 уездов и 4 провинции. Всего же, по состоянию на середину октября этого года, на сторону Кабула перешло 30 тысяч мятежников из 174 вооруженных формирований. К тому времени мирным путем под контроль правительства перешло до 1600 кишлаков (в целом же оно тогда контролировало 8,5 тысяч кишлаков, то есть более трети всех жилых селений, имевшихся в стране, а также все 45 городов, в том числе все провинциальные центры, и 214 (из 283) уездов и волостей. Около 6 тысяч представителей оппозиции активно сотрудничали с государством в рамках сельских, волостных, уездных и провинциальных комиссий по национальному примирению. Кабульский режим заметно укрепил свои вооруженные силы.

Появились пограничные войска в составе 30 тысяч человек. Внушительной силой в руках власти стали многие, вновь созданные иррегулярные военные формирования, как-то: территориальные войска (30 тысяч человек), пограничные малиши (16 тысяч), отряды и группы гражданской самообороны (около 42 тысяч) и др. Общая численность вооруженных сил ДРА вместе с территориальными и гражданскими военными формированиями количественно более чем в 6 раз превосходила активную часть антиправительственной вооруженной оппозиции [49].

1988 г. Бойцы поста самообороны в уезде Момандара (провинция Нангархар).

Какими бы, однако, обнадеживающими и впечатляющими не казались приведенные выше цифры и факты, все же к середине осени 1987 года., в ходе реализации курса на национальное примирение Кабулу не удалось добиться главного – прекращения гражданской войны. Диалог с оппозицией («кальяном семи») не состоялся. Все 14 заявлений о компромиссах и уступках, сделанных к этому времени кабульским правительством противоборствующей стороне, были полностью проигнорированы. Военно-политическая напряженность в стране продолжала неумолимо усиливаться. Наджибулла, выступая на 2-й Общепартийной конференции 18 октября 1987 г., вынужден был признать, что «реализация политики национального примирения обострила противоречия» в стране. Отметив, что «политика национального примирения еще не приобрела необратимый характер», он перечислил ряд причин, которые, по его мнению, воспрепятствовали ее осуществлению. Среди них, кроме упорного нежелания вооруженной оппозиции пойти на примирение, он назвал: эскалацию военного и политического вмешательства Вашингтона и его региональных приспешников во внутриафганские дела (при этом им было подчеркнуто, что ДРА фактически «превратилась в своеобразную мишень государственного терроризма администрации Рейгана»), а также негативные явления внутри самой НДПА и госаппарате страны, как-то: фракционизм, групповщина и клановость, а иногда и кровная месть. «Среди некоторой части руководящих работников и партийцев (имелись в виду сторонники Б.Кармаля и халькисты. – М.С.), – заявил Наджибулла, – трудности реализации новой политики вызвали определенную растерянность и пессимизм. Эти настроения сохраняются у тех, кто не хочет идти на компромисс с оппозицией из-за боязни потерять свои посты, а также у тех, кто ждал быстрого отступления противника» [50].

Такого рода настроения проявлялись, впрочем, во многом, а именно: в отрицании необходимости и саботаже мер по расширению социальной базы власти, созданию коалиционных форм правления, многопартийности и новой политической структуры под предлогом якобы их несоответствия стратегической линии партии; неверии в политику национального примирения и нежелании искать выход на этом пути из кровопролитной гражданской войны; стремлении ряда местных комитетов НДПА (например, 7-го райкома г. Кабула и провинциального комитета Джаузджана), вопреки установкам ЦК партии, избрать делегатами Общепартийной конференции опальных Б. Кармаля и А. Ратебзад; многочисленных попытках антинаджибовски настроенных партийцев дезорганизовать и сорвать работу местных партийных конференций,

распространении ими пленок с записями бурных дебатов на этих конференциях; направлении протестных писем в адрес ООН; распространении упадочнических, пораженческих настроений и паникерских слухов; в массовых выступлениях сторонников Б. Кармаля, состоявшихся в Кабуле в преддверии Общепартийной конференции и т.д. [51].

Провинция Пактия. Отряд территориальных правительственных войск (малиши).

Реакция на эти действия внутрипартийной оппозиции была незамедлительной. В середине сентября 1987 г. первичная партийная организация ЦК партии обратилась к секретариату ЦК с предложением освободить от занимаемых должностей 10 сотрудников аппарата ЦК за якобы проявленную ими «недисциплинированность». [52] Большинство из них являлось сторонниками Б.Кармаля. А месяц спустя (17 октября) очередной пленум ЦК НДПА, рассмотрев организационный вопрос, вывел из своего состава 15 наиболее активных последователей Б. Кармаля, в том числе М. Барьялая (он также был выведен из состава политбюро ЦК), А. Ратебзад, Э. Хасана, М.Я. Садеки, А.Г. Пактиавала, А. Каргара, А. Сурхаби, Ф.М. Дехнешина, Голь Ака, М. Фарука, М.Н. Джуя и др. Одновременно в ЦК партии были введены новые, лояльные Наджибулле лица (13 человек), принадлежавшие в основном к парчамистскому крылу. Членами политбюро ЦК НДПА были избраны Н. Кавьяни, Х. Масуд (оба Парчам) и Н.М. Моманд (Хальк). Кандидатом в члены политбюро ЦК стал начальник Генерального штаба вооруженных сил ДРА Ш.Н. Танай (халькист) [53]. В целом же к концу 1987 г. в составе политбюро оказалось десять представителей фракции Парчам (Наджибулла, С.А. Кештманд, Н.А. Нур, С. Лайек, А. Вакиль, М. Рафи, А.З. Размджу, Ф.А. Маздак, Н. Кавьяни, С.М.Х. Масуд) и четверо из крыла Хальк (С.М. Зерай, Н.М. Моманд, С.М. Гулабзой и М.А. Ватанджар).

2-я Общепартийная конференция, вновь подтвердив свою приверженность курсу на либерализацию режима в рамках многопартийности и коалиции, определила содержание политики национального примирения на новом ее этапе. Составными элементами ее программы объявлялись:

- завершение формирования леводемократического блока и выработка механизма сотрудничества с различными партиями;
- создание коалиционного правительства и органов коалиционного управления на местах;
- замещение постов, предложенных Кабулом примиряющейся стороне;
- твердое сохранение прекращения огня до 15 января 1988 г.;
- содействие быстрейшему возвращению беженцев на родину;
- принятие конституции Афганистана, решение вопроса о названии государства, проведение выборов Национального совета (парламента) и избрание президента- [54].

В ноябре 1987 г. президиум РС ДРА, в соответствии с ранее принятым Законом о политических партиях, официально признал и зарегистрировал в качестве самостоятельных политических партий: НДПА, Революционную организацию трудящихся Афганистана (РОТА), Организацию трудящихся Афганистана (ОТА), Исламскую партию народа Афганистана (ИПНА) и Партию справедливости крестьян Афганистана (ПСКА) [55]. Таким образом, были сделаны первые шаги по созданию в стране легитимной многопартийной политической системы как составного элемента в ряду мер по либерализации режима.

Знаковым событием в череде мер по реализации ПНП явилось проведение в Кабуле в конце ноября 1987 г. общенациональной Лоя джирги – традиционного в стране высшего надпарламентского органа. Для участия в ней были делегированы и избраны 1350 человек (фактически участвовали 1338 человек). На ней была детально обсуждена и принята конституция страны, утверждено новое название государства – Республика Афганистан и единогласно, на безальтернативной основе избран ее президент – Мухаммад Наджибулла (примеч.: его кандидатура на этот пост была предложена НДПА и Национальным фронтом. Другие партии и организации, имевшие на это конституционное право, не выдвинули своих кандидатов).

В то время, когда афганское руководство лихорадочно искало пути к национальному примирению, в судьбу внутриафганского политического урегулирования активно вмешался еще один, внешний, фактор. На состоявшейся в Вашингтоне с 7 по 10 декабря 1987 г. советско-американской встрече в верхах администрация США дала, наконец–то, согласие подписать женевские соглашения по Афганистану (при условии вывода ОКСВ из страны) и выступить в роли одного из международных гарантов урегулирования положения вокруг Афганистана (см. об этом подробнее в разделе «Проблема урегулирования положения вокруг Афганистана» данной книги). М.С. Горбачев в качестве своеобразной платы за эти «уступки» США подписал приснопамятный Договор между США и СССР о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

После указанной встречи в верхах горбачевское руководство развернуло форсированную подготовку к выводу советских войск из Афганистана. В русле данного замысла с 4 по 6 января 1988 г. в Кабуле находилась и вела переговоры с афганской стороной советская делегация во главе с министром иностранных дел Э.А. Шеварднадзе. В числе членов советской делегации были преимущественно ответственные сотрудники МИДа СССР, непосредственно причастные к женевским переговорам по Афганистану, в частности Ю.К. Алексеев, заведующий отделом стран Среднего Востока МИДа, и Н.И. Козырев, посол по особым поручениям (он же – советник министра иностранных дел РА), а также чрезвычайный и полномочный посол СССР в РА П.П. Можаяев. Обе стороны в ходе обмена мнениями выразили надежду на скорейшее завершение переговоров в Женеве по политическому урегулированию международных аспектов афганского вопроса и заявили о возможности и своей готовности обеспечить вывод советских войск из страны в течение 12 месяцев. Большое внимание было уделено также обсуждению многих экономических, военных и политических вопросов, заблаговременное решение которых должно было обеспечить кабульскому режиму необходимый запас прочности в его противостоянии с непримиримой вооруженной оппозицией. Именно с этой целью члены советской делегации имели встречи и беседы с премьер-министром РА С.А. Кештмандом, силовыми министрами, афганскими военачальниками, представителями частного предпринимательства, руководителями Торгово-промышленной палаты Афганистана и ряда провинций, лидерами некоторых политических партий и организаций [56]-

Нельзя не отметить, что в связи с визитом Э.А. Шеварднадзе в Кабул и обсуждением с афганским руководством вопроса о выводе советских войск из страны антинаджибовская внутрипартийная оппозиция не упустила случая, чтобы снова заявить о себе и не просто, а через центральный партийный орган – газету «Хакикат-е энкелаб-е саур». В номере этой газеты от 7 января, в котором приводился отчет о визите в

афганскую столицу советской делегации, была напечатана притча члена политбюро ЦК НДПА С. Лайека «Белый волк», написанная им еще в 1968 году [57]. В ней повествовалось о кровожадном белом волке, который напал на мирные стада, а в одной деревне не оставил ни одного двора, где бы не задрал или не утащил какое-либо животное. Односельчане, в конце концов, расправились с белым разбойником. Притча заканчивалась весьма назидательными словами: «За пролитую кровь надо платить кровью, а преступление против народа никогда не прощается». Намек на северного соседа, один из лидеров которого только что посетил Кабул, был абсолютно прозрачным. Появление такого рода недвусмысленной притчи в центральной партийной газете ни в коей мере не могло быть какой-то случайностью, если иметь в виду, что ее авторский и редакционный коллектив изначально, на протяжении многих лет формировался преимущественно за счет последовательных сторонников Б. Кармаля и при Наджибулле во многом оставался в прежнем составе. Кроме того, не исключено, что к этой акции мог приложить руку и кто-то другой из числа политических оппонентов Наджибуллы. Думается, что указанные лица публикацией данной притчи на следующий день после отъезда из афганской столицы советской делегации хотели осудить СССР за действия его войск в Афганистане и одновременно публично выразить свое несогласие с внутривластным курсом Наджибуллы, нацеленным, как им казалось, на полную капитуляцию перед вооруженной оппозицией.

Итоги первого года реализации ПНП были подведены 16 января 1988 г. на заседании Высшей комиссии по национальному примирению и на очередном пленуме ЦК НДПА, состоявшемся 27 января. На обоих форумах с обширными докладами выступал президент Наджибулла. Говоря о достижениях на этом поприще, он отметил, что за прошедший год на сторону власти мирным путем перешло 3200 кишлаков; в страну из пакистанских и иранских лагерей вернулось 110 тысяч соотечественников; более 40 тысяч вооруженных мятежников прекратили сопротивление и подписали с властями протоколы о прекращении огня; 6 тысяч их представителей вошли в коалиционные органы правления; более 12 тысяч человек были досрочно освобождены из тюрем по ходатайству комиссий по национальному примирению; «зонами мира» объявлено 165 волостей и уездов, 2 провинции и 1150 деревень, где проживало около 3 млн. человек. Значительно вырос численный состав вооруженных сил ДРА и различных иррегулярных формирований. Определенные успехи были достигнуты и в сфере экономики и социальных отношений. По утверждению афганского президента, в стране за прошедший год были открыты новые и возобновили свою деятельность 30 промышленных предприятий, по преимуществу в частном и смешанном секторах; промышленное производство возросло на 3,5 %; было заготовлено 138 тысяч тонн пшеницы (гораздо больше, чем было до революции и после нее); за год повышена заработная плата более чем 700 тысячам человек; население городов стабильно обеспечивалось продовольствием и товарами первой необходимости; успешно функционировали система просвещения и здравоохранения и т.д. В январе 1988 г. на совместном заседании руководства НДПА, РОТА и ОТА был организационно оформлен блок леводемократических партий и чуть позже выработана и принята его политическая платформа [58].

Афганское руководство неуклонно продолжало курс на всемерную поддержку в стране религии ислам и духовенства. Об этом красноречиво говорили следующие цифры и факты, опровергавшие расхожий тезис западных и региональных СМИ об «опасности исламу в ДРА». Только за период с января 1987 по февраль 1988 г. в Афганистане за счет государственных средств было построено 20 новых мечетей и находилось в ремонте 324; из казны было выделено 313 млн. афгани (около 6,2 млн. долларов США) на нужды 4200 паломников в Мекку и Медину и 4,7 млн. афгани (около 93 тысяч долларов) для 102 паломников в Кербелу; государство обеспечивало зарплатой около 20 тысяч служащих культа; в стране стала выходить еженедельная газета «Эршад-е ислам» – орган Высшего совета улемов и духовенства; 1092 улема вошли в местные

органы государственной власти; пост заместителя председателя РС ДРА продолжал занимать видный религиозный деятель Сахеб-уль-Хак. Весной 1988 г. были приняты решения об открытии в Кабуле Исламского университета по преподаванию и исследованию ислама [59].

В конце января 1988 г. президиум РС РА, следуя курсу национального примирения и руководствуясь решениями Лоя джирги и положениями Конституции РА, сделал еще один шаг навстречу противоположной стороне, чтобы склонить ее, в частности лиц второго эшелона, к диалогу. Им был подписан и обнародован Указ «О помиловании некоторых командиров вооруженных групп оппозиции, ранее заочно приговоренных к смертной казни». Помилованию подлежали такие известные полевые командиры, как Ахмад Шах Масуд (Панджшер), Джалалуддин Хаккани (Ургун), Абдул Сабур (Каписа), Мухаммад Панах (Панджшер), Мухаммад Исмаил (Герат) и Салех Мухаммад (Кандагар) [60].

Отмечая достигнутые успехи в области экономики, политики и социальных отношений и продолжая делать оппозиции односторонние уступки, афганское правительство вынуждено было снова признать, что его надежды на благоразумие вооруженной оппозиции в вопросах перемирия не оправдались и что «альянс семи», категорически отказываясь идти на какие-либо компромиссы с Кабулом, делает главную ставку на военное решение афганской проблемы, на полное отстранение от власти НДПА и кабульского режима вообще [61].

В то время, когда Кабул безуспешно пытался путем многочисленных уступок склонить вооруженную оппозицию к примирению, Москва, действуя в соответствии с духом и буквой концепции нового политического мышления в мировой политике, начала форсированно готовить международно-правовую базу для вывода ОКСВ из Афганистана. В этом контексте шли женеvские переговоры по Афганистану и советско-афганские консультации. Итогом последних явились заявления от 8 февраля 1988 г. М.С. Горбачева и Наджибуллы по Афганистану. В них были изложены конкретные предложения по политическому урегулированию афганской проблемы и выражено намерение советской стороны вывести свои войска из Афганистана начиная с 15 мая (см. об этом подробнее в разделе «Проблема урегулирования положения вокруг Афганистана» настоящей книги).

К решимости Москвы положить конец своему военному присутствию в Афганистане по-разному отнеслись и в мире, и в Афганистане. В частности, миролюбивая общественность планеты в целом положительно оценила перспективу урегулирования афганской проблемы. Что касается определенной части афганского партийно-государственного руководства и рядовых членов НДПА, то известие о выводе советских войск из страны породило в их среде растерянность и неуверенность в завтрашнем дне и как следствие этого – пассивность в практической деятельности. Лидеры же «альянса семи», собравшись в Пешаваре на совещание в связи с заявлениями М.С. Горбачева и Наджибуллы от 8 февраля, согласились пойти на урегулирование афганской проблемы только при условии безоговорочного вывода советских войск и предварительного создания «переходного правительства» без какого-либо участия в нем кабульских «коммунистов». И такое правительство было ими незамедлительно создано. Его премьер-министром стал известный своими крайне экстремистскими взглядами инженер Ахмад Шах (выпускник Кабульского университета, защитивший в свое время диссертацию в одном из университетов США), а заместителем премьер-министра – Забиулла Моджаддеди (сын С.Моджаддеди, главы НФСА).

Лидеры «семерки» считали, что их «переходное правительство» должно взять на себя контроль за прекращением огня и обеспечить условия для вывода советских войск и возвращения беженцев, а также провести всеобщие выборы в стране в течение 6 месяцев. Им вторил президент Пакистана Зия-уль-Хак. Поддержав идею создания «переходного правительства» еще до начала вывода советских войск, он выступил с рядом предложений по поводу подписания будущих женеvских документов по

Афганистану. По его мнению, могли бы быть три варианта их подписания: первый – «переходным правительством», созданным на условии предоставления в нем одной трети постов НДПА, одной трети «альянсу семи» и одной трети постов «эмигрантам»; второй – уполномоченным двух «временных» правительств (нынешнего кабульского и правительства «семерки»); третий – представителями нынешнего кабульского правительства, с одной стороны, и пакистанского, – с другой [62].

Указанные предложения Зия-уль-Хака и «альянса семи» относительно «переходного правительства» были неприемлемы и для Москвы, и Кабула, так как они (эти предложения) искажали саму формулу женевского переговорного процесса, призванного с самого начала переговоров решать задачу устранения внешних, а не внутренних причин и факторов афганского конфликта. Кроме того, идея «переходного правительства», с которой выступили лидеры «семерки», явно преследовала цель перехватить инициативу в разблокировании афганского вопроса, торпедировать женевские афгано-пакистанские переговоры или, по крайней мере, затруднить и затянуть их, устранить с политической арены НДПА и афганское левое руководство еще до подписания женевских соглашений, заставить признать «борцов за свободу» единственными выразителями «воли и интересов афганцев» и ликвидировать как незаконные Конституцию РА, всю систему государственной власти в центре и на местах, в том числе и президентскую власть, установленную в соответствии с волей Лоя джирги 1987 г. Главное здесь, пожалуй, состояло в том, чтобы заставить СССР уйти из Афганистана с клеймом позора на основе ультимативных требований «победителей-моджахедов».

7 апреля 1988 г. в Ташкенте руководители СССР и Афганистана подтвердили свои договоренности о выводе советских войск начиная с 15 мая, а 14 апреля в Женеве был подписан пакет документов по урегулированию внешних аспектов афганского вопроса. Советские войска были выведены из Афганистана в три этапа с 15 мая 1988 г. по 15 февраля 1989 г. После урегулирования внешних аспектов афганской проблемы народ этой страны, как полагали в Кабуле, должен был сам, без вмешательства извне найти пути к прекращению гражданской войны и определить судьбу своей родины на основе доброй воли и согласия всех завязанных во внутриафганском конфликте социальных и политических кругов. Однако, забегая вперед, скажем, что чужие и чуждые подавляющему большинству афганцев силы как внутри страны, так и за рубежом не позволили, к сожалению, это сделать.

Наджибулла, национальное примирение и Хальк

Трагизм внутривнутриполитической ситуации, складывавшейся в Афганистане в конце 80-х годов, был связан, как уже говорилось, не только с внешними факторами и непримиримой позицией вооруженной оппозиции по отношению к официальному Кабулу, но и во многом с неутихавшими никогда противоречиями между фракциями внутри самой НДПА и в ее руководстве. Эти противоречия, долгое время проявлявшиеся в различных формах и, как правило, подспудно, выплеснулись наружу в тот момент, когда в связи с подписанием женевских соглашений был окончательно решен вопрос о советском военном присутствии в стране. На сей раз халькисты – члены ЦК партии бросили вызов Наджибулле, как генеральному секретарю ЦК НДПА и президенту страны, избрав при этом весьма необычный способ – направление закрытого письма в адрес политбюро ЦК КПСС (см. Приложение 2). Составленное в форме обличительного документа письмо содержало пристрастные анализ и оценки деятельности крыла Парчам, известные еще со времен появления НДПА на политической арене страны и раскола партии на две фракции.

Авторы письма, поддержав в принципе ПНП, дали положительный ответ на поставленный ими же вопрос о том, «сможет ли НДПА самостоятельно защитить завоевания революции» после вывода из страны советских войск. При этом они заявили,

что справиться с этой задачей партия может лишь при условии, если будут устранены межфракционные противоречия и обеспечено внутрипартийное единство. Однако, как вытекало из их письма, лидеры халькистов не питали никаких надежд относительно того, что НДПА способна своими силами устранить существующие в ее рядах негативные явления. По их мнению, единственная возможность спасти положение заключалась в «получении конструктивных советов и помощи» с советской стороны. Приводя краткий анализ «злополучного наследия прошлого» своей партии, халькисты–члены ЦК всю ответственность за допущенные ошибки и просчеты НДПА со времени ее возникновения полностью возложили на Б. Кармаля и его группу. Ему без каких-либо доказательств приписывался еще и «дух антисоветизма». Большое место в письме отводилось «разоблачению» раскольнической деятельности парчамистов и их «попыток» по дискредитации НДПА. Ключевым вопросом, положенным в основу письма, был вопрос о кадровой политике как при Б.Кармале, так и при Наджибулле. Последний упрекался не только в том, что он отдал-де все кадровые вопросы на откуп парчамистам и лицам, не входящим в руководство партии (имелись, видимо, в виду советские партийные советники при ЦК НДПА и представительства других советских ведомств в Афганистане), но и в том, что при нем за антипартийную деятельность «ни один человек из этой группы (т.е. сторонников Б.Кармаля. – М.С.) не был арестован» (забегая вперед, следует сказать, что осенью 1988 г., вероятно, не без давления халькистов, по указанию Наджибуллы была арестована и брошена в тюрьму большая группа приверженцев Б. Кармаля, в том числе и его брат, бывший секретарь ЦК и кандидат в члены политбюро ЦК М. Барьялай). Наджибулла, кроме того, обвинялся в создании верных себе боевых частей специальной республиканской гвардии под командованием, как говорилось в письме, «фракционно настроенных лиц и сторонников Б. Кармаля» с предоставлением им беспрецедентных льгот и привилегий, что, по мнению авторов письма, «поневоле усиливало разобщенность и враждебность между крыльями в рядах вооруженных сил».

Обобщая все изложенное в письме, его авторы предложили целую программу мер из 11 пунктов «с целью укрепления единства партии, успешной реализации ПНП и обеспечения условий для защиты Апрельской революции». Ими предлагалось осуществить в принципе следующее: провести объективный анализ периода правления Б. Кармаля и решительно очистить партию от его сторонников; решить кадровый вопрос и подобрать на ключевые государственные посты «хороших людей»; устранить монополию сторонников Б. Кармаля в аппарате ЦК НДПА, в государственных органах и общественных организациях и ликвидировать крылья в партии; улучшить кадровый состав руководства министерства обороны и крупных армейских соединений путем назначения опытных и преданных партии военных, особенно ее ветеранов, участников Апрельской революции; устранить монополию парчамистов в спецслужбах; воплотить в жизнь принцип коллективного руководства в партийных органах; улучшить качественный состав политбюро и секретариата ЦК партии и не допускать концентрации партийной власти в руках группы лиц, не входящих в руководство (имелись в виду, прежде всего, советские партийные советники. – М.С.); реабилитировать руководящих кадровых партийных работников, освобожденных от занимаемых должностей во времена Б. Кармаля; повысить роль государственного и партийного контроля за теми лицами, кто обогатился и обогащается за счет народа; создать условия для осуществления подлинно демократических выборов, вплоть до созыва съезда партии. В заключение авторы письма выразили надежду в том, что внутрипартийные проблемы будут решены «с устранением препятствий и лиц, мешающих единству партии».

Указанное письмо халькистов–членов ЦК партии явилось весьма показательным с точки зрения понимания внутрипартийной ситуации и перспектив курса на национальное примирение. Все содержание письма ярко продемонстрировало пороки и слабости НДПА и глубоко зашедший раскол в ее рядах, делавшие в целом сомнительной

ее способность руководить страной и обеспечивать защиту режима. У многих в Афганистане того времени, в том числе и у простых людей, оправданно возникал не риторический вопрос: как же правящая партия может добиться примирения в общенациональном масштабе, если она не в состоянии сделать то же самое внутри самой себя? Представляется, что вопрос партийного единства не могли решить и меры, предлагавшиеся халькистами–членами ЦК, несмотря на их ультимативный тон и характер. По своей сути эти меры означали открытый призыв к расправе над фракцией Парчам, к устранению ее из политической жизни страны и передаче всех партийно-государственных функций в руки халькистов. Если вспомнить историю НДПА десятилетней давности до этого, то такого рода попытки «обеспечить единство» уже имели место при Тараки-Амине, когда с изгнанием парчамистов из партии и органов власти была развернута кампания массовых репрессий и террора против всех неугодных диктаторскому режиму лиц.

Вместе с тем, названное письмо высветило и еще одну проблему: НДПА в результате ее раскола и дробления на разного рода группировки и кланы (см. об этом в разделе «Как снимали Б. Кармаля» данной книги) уже полностью утратила способность к самоорганизации и самосовершенствованию. В тот момент и для авторов письма, и для многих афганцев (членов и не членов НДПА), а также и для советских партийных советников при ЦК НДПА стала совершенно очевидной бесперспективность всех попыток соединить между собой несоединимое – Хальк и Парчам и, как гласит русская пословица, заставить ужиться «в одной берлоге двух медведей». В подобной ситуации идеальным выходом из создавшегося положения могло бы стать создание на базе Хальк и Парчам двух организационно самостоятельных партий. К сожалению, такой вариант для НДПА в конце 80-х годов был закрыт в связи с гражданской войной в стране, когда решался вопрос быть или не быть этой партии и ее режиму вообще.

Предложения халькистов по кадровому аспекту проблемы партийного единства, как это не покажется парадоксальным, встретили сочувствие и поддержку среди определенной части советского советнического аппарата в Афганистане, особенно среди военных советников, некоторых ответственных лиц из группы советников при ЦК НДПА, а также и в посольстве СССР в Кабуле. При их активном лоббировании интересов халькистов и массивного давления Наджибулла, вопреки своей воле, вынужден был летом 1988 г. назначить генерала Ш.Н. Таная (фракция Хальк) министром обороны (см. об этом подробнее в разделе «Мятеж генерала Ш.Н. Таная» данной книги), повысить по службе ряд других военных из числа халькистов и даже ввести некоторых из них в состав ЦК НДПА.

Курс на примирение во время и после вывода из Афганистана советских войск

С началом вывода советских войск афганское руководство в своих публичных выступлениях все еще вдохновлялось идеей национального примирения и надеялось на ускорение процесса умиротворения страны в связи с подписанием Пакистаном и США Женевских соглашений и взятых этими странами на себя обязательств по невмешательству во внутренние дела Афганистана. Вместе с тем оно, наряду с мерами по усилению военного потенциала страны, продолжало укреплять основы власти путем целенаправленного формирования новой государственной системы, основанной на многопартийности, принципах коалиционности и привлечении к управлению страной представителей различных политических сил, в том числе и из кругов оппозиции. Еще в первой половине апреля 1988 г. в Афганистане на демократической основе были проведены всеобщие выборы в Национальный совет (парламент). Среди 299 избранных депутатов нижней и верхней палат 44% составляли независимые депутаты и представители РОТА, ОТА, крестьянской и исламской партий, оппозиции, кочевников и территориальных войск, 28% – представители НФ, 21% – НДПА и 7% – представителей профсоюзов, ДОМА и ВСЖ. Более 70% депутатов Национального совета были

беспартийными. Кроме того, в парламенте за представителями вооруженной оппозиции было зарезервировано 62 места. По социальному и национальному признакам избранные депутаты принадлежали практически ко всем слоям, группам и этносам афганского общества. В целом в указанных выборах приняли участие 1 млн. 547 тысяч человек, в том числе жители всех городов и 8666 деревень страны. Новый парламент начал свою работу 28 мая [63]. На первых его заседаниях большинством голосов были избраны председатели палат: Вулуси джирги – беспартийный, доктор права, бывший губернатор ряда провинций страны при королевском и даудовском режимах Халил Ахмад Абави и Сената – бывший министр культуры в годы монархии, вице–президент Академии наук РА, беспартийный Махмуд Хабиби. 4 июня Сенат и Вулуси джирга на совместном заседании утвердили А.Р. Хатефа, генерал-полковника М. Рафи, А.Х. Мохтата и А.В. Сорابي вице-президентами страны [64].

Еще одним событием по либерализации левого кабульского режима явилось назначение в мае этого года премьер–министром Афганистана беспартийного Мухаммада Хасана Шарка, известного в прошлом политического деятеля, бывшего первого заместителя премьер–министра при республиканском правительстве М. Дауда [65]. В его правительство, состоявшее из 31 министра, вошли, наряду со членами НДПА, 18 беспартийных и представителей других политических и общественных организаций. Новый кабинет объявил важнейшими задачами своей деятельности защиту национального единства, территориальной целостности страны и прекращение братоубийственной войны через национальное примирение.

Дворец «Гольхана», июль 1988 г. Прием президентом РА группы советских советников в связи с их отъездом на родину.
Слева направо: М.Наджибулла и М.Ф.Слинкин.

Большой резонанс в стране вызвала поездка президента Наджибуллы в Нью–Йорк для участия и выступления на третьей специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, состоявшейся в начале июня 1988 г. Кроме официальных встреч в

Нью-Йорке, он имел беседы с рядом известных представителей афганской диаспоры в США, в том числе и со старейшим бизнесменом и банкиром, бывшим видным государственным деятелем Афганистана 20–40-х гг. XX в. Абдул Маджидом Забули. Все они одобрительно отозвались о политике национального примирения и высказали свою поддержку правительственному курсу на прекращение гражданской войны в стране.

Между тем обстановка внутри Афганистана продолжала оставаться крайне сложной, несмотря на начавшийся вывод советских войск. Нормализация обстановки на путях примирения, как уже говорилось выше, не входила в планы вооруженной оппозиции. Не помышляли выполнять взятые на себя обязательства по Женевским соглашениям и ее зарубежные покровители и доноры. В частности, президент Пакистана Зия-уль-Хак в июне 1988 г. в интервью корреспонденту Би-би-си заявил, что Женевские соглашения – это «не что иное, как фиговый листок». Фактически эту же точку зрения разделяли и США. Госсекретарь США Дж. Шульц при встрече в Исламабаде в августе этого года с одним из самых оголтелых экстремистских лидеров «Альянса семи» Г. Хекматъяром заверил его: «Мы восхищаемся вашим делом. США и президент Рейган будут продолжать помогать вам». Еще ранее, в мае, администрация Рейгана приняла решение направлять военную помощь напрямую вооруженным антиправительственным формированиям, действовавшим в Афганистане (прежде она направлялась Зия-уль-Хаку, который сам распределял ее среди вооруженной оппозиции). Сразу же после начала вывода советских войск во исполнение этого решения на вооружение моджахедов сплошным, невиданным ранее потоком стали поступать зенитные комплексы «Стингер» и «Блоупайп», ракеты класса «земля–земля», дальнобойные орудия и минометы и современные средства связи. Только 24 мая более 200 грузовиков доставили мятежникам в Афганистане большое количество оружия и боеприпасов через два пограничных пункта в агентстве Куррам (Пакистан) [66]. Огромные арсеналы вооружения складировались в различных районах Афганистана с намерением использовать их, когда придет время генерального наступления на левый кабульский режим.

«Альянс семи» при прямой военной поддержке и содействии своих зарубежных друзей, пользуясь выводом советских войск, принял решение осуществить крупные операции по захвату одного из важных городов Афганистана с целью установления там своей власти и размещения «переходного правительства». Прелюдией к этому явились проведенные при участии иностранных советников (французских, пакистанских и др.) в мае – июле боевые операции по захвату Калата (центр провинции Забуль) и Майданшахра (центр провинции Вардак, расположенный в непосредственной близости от Кабула). В районе Майданшахра мятежники за короткое время сосредоточили более двух тысяч боевиков с тяжелым оружием, а в Калате и того больше – около семи тысяч человек. Затем последовали операции по захвату городов Кундуза (его мятежникам удалось захватить и удерживать в течение нескольких дней), Хоста, Таринкота (центр провинции Урузган), Мехтарлама (центр провинции Лагман) и дважды (в октябре–ноябре и ноябре–декабре) Джалалабада (центр провинции Нангархар). На захват Джалалабада в конце ноября–декабре 1988 г. была брошена 20-тысячная группировка, в которую, кроме мятежников, входили пакистанские «малиши» (отряды племенного ополчения) и подразделения регулярных войск. По афганским данным, только за первые два месяца после подписания Женевских соглашений непримиримая оппозиция предприняла на территории Афганистана 2914 военных акций, 95 террористических актов, в результате которых погибли 448 и были ранены 500 мирных жителей. К октябрю число убитых экстремистами достигло 2528, а раненых – 5595 человек. Были разрушены 32 мечети и культовых сооружений, 4002 жилых дома и 720 дуканов [67].

Хотя «Альянсу семи» не удалось захватить ни один из крупных административных центров страны, как ими планировалось, тем не менее «временное переходное правительство» Ахмад Шаха в сентябре 1988 г. обратилось в ООН с просьбой признать его в качестве «единственного законного представителя народа Афганистана». Эта

просьба нашла поддержку у Пакистана и США. Американская администрация даже назначила в ранге посла своего специального представителя в Пакистане по связям с афганской вооруженной оппозицией [68].

Из сказанного выше вытекало, что противники афганского политического урегулирования делали все, чтобы свести весь процесс реализации женевских договоренностей к «игре в одни ворота», то есть: добиться ухода советских войск из Афганистана и привести к власти в этой стране удобное им правительство. Москва и Кабул, естественно, не могли не видеть этого. Уже 16 июня 1988 г. газета «Правда» в своей передовой статье выразила серьезную тревогу по поводу нарушения женевских соглашений со стороны Пакистана и США. Последовали многочисленные ноты протеста в адрес указанных стран. Соответствующие обращения афганской и советской сторон направлялись и генеральному секретарю ООН с просьбами вынести вопрос о нарушениях женевских соглашений на обсуждение Совета Безопасности ООН.

Пакистан и США, чтобы оправдать свои действия, нарушающие дух и букву женевских договоренностей, прибегли, как это водится у недобросовестных политиков, к распространению пропагандистских «уток» и фальшивых заявлений. Так, президент Зия-уль-Хак, выступая в конце июля на пресс-конференции в Равалпинди, заявил, что Советский Союз якобы приостановил вывод войск из Афганистана и более того дополнительно перебросил в Кабул еще 10 тысяч своих солдат [69]. Подобного же рода заявления делали и ответственные лица в Вашингтоне. Факты начисто опровергали эти измышления. К 15 августа 1988 г. из Афганистана была выведена половина советского воинского контингента. Советские гарнизоны оставались лишь в шести провинциях из 32, главным образом, вдоль дорог Герат–Кушка и Кабул–Хайратон [70].

Тем временем Кабул, продолжая действовать в рамках провозглашенной им ПНП, не оставлял попыток завязать диалог с вооруженной оппозицией. В конце октября 1988 г. президент Наджибулла, выступая на заседании Национального совета изложил новые инициативы, направленные на скорейшее прекращение войны в Афганистане. Он предложил противоборствующей стороне: 1) провести прямые переговоры в столице Афганистана или в любой другой мусульманской стране о формировании широкого коалиционного правительства страны на приемлемой для всех основе; 2) созвать конференцию мира и создать условия для проведения выборов и созыва Лоя джирги. Кроме того, афганский лидер высказался за созыв под эгидой ООН международной конференции по Афганистану, на которой бы были рассмотрены вопросы о подтверждении нейтрального статуса Афганистана, об оказании ему гуманитарной и экономической помощи, о выработке международных гарантий защиты прав человека в стране и ее демилитаризации. Ответы «непримиримых» на эти предложения не пришлось долго ждать. Руководитель «альянса семи» Б.Раббани, уверовав в возможность заполучить власть в стране военным путем, в очередной раз отверг мирные инициативы президента РА. К данному времени вооруженная оппозиция уже разработала план наступления на афганскую столицу и, используя отвод советских войск из приграничных с Пакистаном провинций, сосредоточила на ее подступах от 20 до 60 тысяч мятежников [71].

Следует заметить, что мирное урегулирование обстановки вокруг Афганистана не входило в стратегические планы покровителя «непримиримых» – Пакистана не только по его геополитическим расчетам в противостоянии с Индией, по соображениям дальнейшего получения жирного куса американской и прочей помощи, но и из-за ядерных амбиций пакистанской военной верхушки в связи с тем, что в Афганистане (провинция Джаузджан) было обнаружено урановое месторождение, которое, находясь в зоне контроля вооруженной оппозиции, уже разрабатывалось пакистанцами [72].

Афганское руководство, наряду с выдвижением все новых и новых предложений по мирному урегулированию афганской проблемы, одновременно принимало меры к тому, чтобы обеспечить себе необходимый «запас прочности» в противоборстве с вооруженной оппозицией после завершения вывода советских войск из страны. Эти

меры касались широкого спектра вопросов, в частности усиления военного потенциала страны (путем формирования отрядов «солдат революции» из числа партийцев и членов молодежной организации, оснащения вооруженных сил современным оружием и техникой и т.д.), экономики, социальных отношений, либерализации режима, укрепления законности и порядка и т.д. Одной из мер явились и репрессии против внутрипартийных оппозиционеров: в октябре 1988 г., накануне очередного пленума ЦК НДПА были арестованы и брошены в тюрьмы М. Барьялай и целый ряд других его единомышленников по обвинению в «действиях против политики национального примирения и Женевских соглашений, ведении клеветнической пропаганды, подрывающей национальную безопасность, и создании паники среди населения». Кроме того, указанный пленум «за невыполнение требований прекратить фракционную деятельность» исключил из партии ряд ее членов и вывел из состава Политбюро и секретариата ЦК и освободил от всех должностей четырех человек. В их числе был член Политбюро ЦК, таджик А.З. Размджу (Парчам) [73]. В кадровой политике Наджибулла продолжал искать себе опору преимущественно в лице выходцев из пактийско-пуштунского родового гнезда.

К концу 1988 г. в Кабуле, как в правительственных кругах, так и на уровне простых людей, уже не оставалось каких-либо сомнений в том, что после завершения вывода советских войск правящему режиму придется вести отчаянную борьбу за свое существование, полагаясь при этом исключительно на военную силу. В связи с этим уместно привести мнение на сей счет заместителя председателя Союза писателей Афганистана Абдула Наиби. «Я не верю, – говорил он советскому корреспонденту, – что лидеры оппозиционных группировок согласятся войти в коалиционное правительство. Главарь даже небольшого вооруженного отряда оппозиции сейчас получает гораздо больше, чем премьер-министр в Кабуле» [74]. Действительно, война в Афганистане приносила немалые барыши лидерам оппозиции. И не только в виде помощи от Запада и консервативных мусульманских режимов региона. Большую мзду главари мятежников получали также от агентов всевозможных зарубежных спецслужб и оружейных спекулянтов за трофейное оружие и технику, особенно новейших образцов. Доходный военный бизнес верхушки вооруженной оппозиции к тому же слился с чудовищной по масштабам торговлей наркотиками и экспортом природных богатств страны, в частности лазурита. В этих условиях лозунг «национального примирения» с вооруженной оппозицией так и не стал «работать» на пользу мирного урегулирования афганской проблемы и, по существу, превратился с самого начала его провозглашения в дежурную декларацию о намерениях лишь одной (кабульской) стороны.

Тем не менее, попытки склонить непримиримую оппозицию к приемлемому для всех сторон компромиссу продолжались. В этом контексте в конце ноября в Исламабаде состоялись беседы сотрудников посольства СССР с представителями афганской оппозиции, а 3 декабря с лидером «альянса семи» Б. Раббани встретился в Саудовской Аравии первый заместитель министра иностранных дел СССР Ю.М. Воронцов с целью поиска путей урегулирования афганской проблемы и, в частности, достижения договоренности о начале диалога между афганцами. Позже переговоры сторон были продолжены в Исламабаде. Ю.М. Воронцов месяц спустя встретился в Тегеране и с руководством афганской оппозиции в Иране во главе с М.К. Халили (т.н. «альянс восьми»), а затем в Риме с экс-королем Афганистана Захир-шахом [75]. Однако все эти встречи с представителями «альянса семи» и «альянса восьми» не имели успеха.

Еще одна попытка сдвинуть афганское урегулирование с мертвой точки была предпринята советским руководством на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 7 декабря. М.С. Горбачев, выступая на ней, внес новые предложения по решению афганской проблемы, а именно: 1) полностью и повсеместно с 1 января 1989 г. прекратить огонь и все наступательные операции и обстрелы; 2) прекратить поставки оружия всем противоборствующим сторонам; 3) на период становления коалиционного правительства направить в Кабул и другие стратегические центры страны контингент

ООН по поддержанию мира; 4) созвать и провести международную конференцию по нейтралитету и демилитаризации Афганистана [76].

Президент Наджибулла, в свою очередь, действуя в соответствии с предварительной договоренностью с Москвой, объявил о том, что с 1 января 1989 г. правительственные войска в одностороннем порядке прекращают огонь и проведение боевых операций на всей территории страны, и призвал противоположную сторону последовать этому примеру [77]. Вооруженная оппозиция в тот же день ответила на данное предложение массированными обстрелами столицы и других крупных населенных пунктов, как-то: Джалалабада, Герата, Кандагара, Гардеза, Газни, Хоста и др.

В январе–феврале 1989 г. Пакистан, грубо попирая взятые на себя обязательства по Женевским соглашениям, приступил в преддверии окончания вывода советских войск к сосредоточению крупных военных сил в приграничных с Афганистаном районах, особенно в направлении провинций Нангархар, Пактия и Кандагар. Более того, на территорию Афганистана начали перебрасываться пакистанские регулярные части и племенные (пуштунские) отряды малишей с тяжелым вооружением. К указанному времени только на восточном от Кабула направлении было сосредоточено 430 формирований вооруженной оппозиции численностью до 12 тысяч боевиков [78].

Зловещие планы пакистанской военщины в отношении Афганистана раскрыл новый президент Пакистана Гулям Исхак Хан, выступая в феврале в г. Шикарпур. Он заявил, что его страна рассчитывает присоединить к себе Афганистан и создать объединенное афгано–пакистанское государство в форме конфедерации [79]. Следует заметить, что к агрессии против Афганистана были непосредственно причастны и США: администрация Буша уже в начале 1989 г. приняла решение продолжить оказание военной помощи афганским мятежникам, в том числе и поставками зенитных ракет «Стингер», стрелкового и других видов оружия. Делая, как и Пакистан, расчеты на свержение кабульского «коммунистического» режима исключительно с помощью военной силы, Вашингтон отверг советский призыв к тому, чтобы США и СССР наложили эмбарго на поставки вооружения двум воюющим сторонам в Афганистане [80].

Другими словами, речь шла, безусловно, о намерении ликвидировать независимый Афганистан и навязать ему новую форму государственного устройства во главе с марионеточным правительством, подотчетным Исламабаду. Подготовительным звеном на этом пути должно было стать «переходное правительство» моджахедов в составе представителей «альянса семи». В соответствии с данным замыслом, в феврале 1989 г., не без давления со стороны Пакистана, было сформировано третье по счету такого рода «правительство». Его президентом был избран С.Моджаддеди, а премьер-министром – известный афганский ваххабит, глава экстремистского «Исламского союза за освобождение Афганистана» (ИСОА) Р. Сайяф [81].

Все сказанное выше заставило афганские власти принимать экстренные меры военно-политического и психологического характера для защиты национальной независимости, территориальной целостности и суверенитета страны. Уже к началу февраля 1989 г. в Кабуле получили оружие (автоматы, гранатометы и пр.) 30 тысяч членов НДПА на случай ведения боевых действий в столице и вокруг нее. По крайней мере 45 тысяч партийцев, прошедших военную подготовку, из них 5 тысяч женщин, вошедших в сформированные подразделения медицинской службы, вступили в ряды правительственной армии и войска самообороны. Партийные отряды «солдат революции» к указанному времени успешно сражались против мятежников в провинциях Кандагар, Нангархар, Лагман, Пактия, Забуль [82].

14 февраля кабульское правительство сделало еще одну попытку склонить на свою сторону командиров формирований вооруженной оппозиции, находящихся внутри страны. Оно обратилось к ним с призывом вступить в прямые контакты с властями в целях поиска возможных путей к прекращению кровопролития. Правительство объявило о своей готовности рассмотреть все точки зрения, предложения и требования и, проведя переговоры, принять по ним совместные решения.

Через четыре дня после того, как советские войска покинули Афганистан, в стране, в соответствии с положениями Конституции РА, было введено чрезвычайное положение, призванное обеспечить мобилизацию всех сил и средств для отпора врагу и защиты существующего строя, порядка и безопасности. Указом президента РА был создан Высший совет обороны родины (ВСОР) с целью осуществления централизованного руководства страной в условиях чрезвычайного положения. В состав ВСОР вошли 26 человек, из которых 21 являлись членами НДПА, в том числе президент Наджибулла (председатель Совета), вице-президент РА А.Р. Хатеф (заместитель председателя), член политбюро и секретарь ЦК НДПА С.А. Кештманд (заместитель председателя), и члены Совета – вице-президент РА М. Рафи, министры обороны, иностранных дел, внутренних дел, государственной безопасности, начальник Генерального штаба и представители высшего военного командования Афганистана. В условиях введенного в стране военного положения прежнее правительство М.Х. Шарка ушло в отставку и вместо него был создан Исполнительный комитет Совета министров РА во главе с С.А. Кештмандом. Из тюрем были выпущены сторонники Б. Кармаля, а некоторые из них получили высокие государственные посты. В частности, М. Барьялай стал первым заместителем председателя Исполнительного комитета СМ РА [83].

Новые государственные структуры продолжили формирование «революционного ополчения», начали создавать в вооруженных силах офицерские части, активизировали деятельность спецслужб по борьбе с саботажем, антиправительственным подпольем и диверсионными группами. Большое внимание уделялось очистке силами армии окрестностей городов от мятежников, блокировавших подступы к этим городам и обстреливавших их ракетами, минами и снарядами.

К началу марта 1989 г. в Афганистане для правящего режима сложилась в целом довольно угрожающая ситуация. Пакистан сконцентрировал на границе с Афганистаном крупные силы. А оппозиция тем временем, пользуясь многократным прекращением огня со стороны правительственных войск и поспешным отводом советских войск, особенно из приграничных с Пакистаном районов, без соответствующего, надежного занятия их мест дислокации афганскими гарнизонами, практически окружила все крупные города к югу от Гиндукуша и создала серьезную угрозу транспортным коммуникациям страны, по которым осуществлялось снабжение населения продовольствием, горючим и товарами первой необходимости. При этом лидеры «альянса семи» и их зарубежные покровители не скрывали своих намерений, наряду с использованием военной силы, задушить «коммунистический» режим в Кабуле еще и петлей голода. В этих условиях афганское руководство вынуждено было полагаться в основном на воздушный транспорт. По сообщениям советской печати, в первой декаде февраля 1989 г. ежедневно в Кабуле приземлялись до 12 военно-транспортных самолетов Ил-76 с продовольствием и товарами первой необходимости [84].

Повторимся: Пакистан, подталкиваемый США, стал главным организатором агрессии против Республики Афганистан. Свидетельством этого явилось заседание 5 марта 1989 г. пакистанских гражданских и военных руководителей с участием американского посла в Исламабаде. На данном заседании было принято окончательное решение о проведении силами афганской оппозиции и регулярной армии Пакистана наступления на Джалалабад. Пакистанская военщина, уверовав в слабость кабульского режима и его неизбежное крушение после вывода советских войск из Афганистана, уже на следующий день развернула боевые действия по захвату этого важного административного и хозяйственного центра на востоке страны. Со временем вокруг Джалалабада было сосредоточено от 32 до 35 тысяч войск противника, имевших на вооружении до 260 артиллерийских орудий, около 500 минометов, много сотен реактивных установок. В боях против правительственных войск принимали участие отряды ваххабитов, прибывшие из Саудовской Аравии. Город обстреливался дальнобойной артиллерией и с территории Пакистана. По сообщениям печати, на Джалалабад ежедневно обрушивалось от трех до пяти тысяч снарядов [85].

Первоначально планировалось захватить Джалалабад к 10 марта (это была пятница – праздничный день у мусульман) и провести там первое заседание «временного переходного правительства» моджахедов и таким образом создать прецедент для его широкого «признания» на международной арене. Следует подчеркнуть, что решение о наступлении на Джалалабад было принято в Пакистане также и с учетом предстоявшей встречи министров иностранных дел государств–членов Организации Исламская конференция, которая должна была состояться 13 марта в Саудовской Аравии. По расчетам противников Кабула, взятие Джалалабада должно было поднять престиж «переходного правительства» моджахедов в глазах мусульман и помочь ему занять место Афганистана в ОИК, которое пустовало с 1980 г.

Столкнувшись с прямой агрессией со стороны Пакистана, президент Наджибулла 10 марта обратился к генеральному секретарю ООН, а также к СССР и США, как гарантам Женевских соглашений. В связи с этим обращением Совет Безопасности ООН провел в апреле ряд заседаний по обсуждению вопроса об эскалации вмешательства извне во внутриафганские дела. В дискуссии приняли участие более 40 стран. Большинство из них пришли к выводу, что главной причиной сохранения напряженности в регионе явились агрессивная политика Пакистана и нарушение им Женевских соглашений. Однако нашлись и его защитники. Делегаты США, Саудовской Аравии, Малайзии, Японии, а также представители ОИК попытались оправдать действия Пакистана и вообще снять с повестки дня этот вопрос. При этом представитель США при ООН даже высказал мнение, что Совет Безопасности ООН будто бы не может и не должен играть какую–либо заметную роль в Афганистане [86].

В сложившейся ситуации президент РА Наджибулла, по–прежнему стремясь к поиску путей политического урегулирования афганской проблемы и принимая во внимание, что США не выполняют взятые на себя обязательства гаранта Женевских соглашений, в конце апреля в интервью одной американской телекомпании высказался за прямые переговоры между Соединенными Штатами и его правительством и одновременно выразил готовность встретиться с президентом США Бушем и обсудить вопросы войны и мира в Афганистане. Однако США не собирались менять свои подходы к решению афганской проблемы. Они вместе со своим протеже – Пакистаном – выдвинули в качестве одного из возможных способов достижения политического урегулирования в Афганистане устранение кабульского правительства и создание так называемого «нейтрального правительства технократов», которое, по их замыслу, должно будет вступить в переговоры с вооруженными формированиями оппозиции с целью создания правительства на широкой основе, но без Наджибуллы и его партии. Запад и консервативные исламские режимы отвергли также и предложение Советского Союза о проведении международной конференции в целях урегулирования положения в Афганистане и вокруг него как «неприемлемое» [87].

Тем временем ожесточенные бои под Джалалабадом продолжались. Оппозиции и пакистанским войскам не удалось захватить этот город и превратить его в место пребывания «переходного правительства». Вопреки ожиданиям, они столкнулись здесь с исключительным мужеством, стойкостью и организованностью правительственной армии. Это вынуждены были признать и западные СМИ. Так, журнал «Ньюсуик» в номере от 24 апреля 1989 г. писал: «Они (бойцы афганской армии. – М.С.) отражают атаки, проявляя неожиданную дисциплину и отвагу». Джалалабад, где противник за пять месяцев, прошедших после вывода советских войск потерял убитыми и ранеными свыше 22 тысяч человек, стал символом стойкости афганских правительственных войск [88].

Убедившись в иллюзорности своих попыток свалить кабульский режим за несколько недель или месяцев и потерпев поражение под Джалалабадом, афганская вооруженная оппозиция и ее иноземные хозяева перешли к поэтапным операциям военного давления на этот режим и подготовке условий для захвата Кабула и других городов. К концу апреля вокруг Герата было сконцентрировано около 6 тысяч мятежников. Крупные

отряды боевиков осаждали Кандагар, Хост, Гардез. Бои велись против правительственных войск вдоль дороги Хайратон–Саланг – Кабул.

Анализируя события, происходившие в Афганистане и вокруг него, нельзя не вспомнить, что с лета 1989 г. к спекуляциям вокруг афганской проблемы неожиданно–негаданно подключились советские деморощенные защитники прав и свобод человека. Слабо разбираясь в специфике политических процессов в Афганистане и находясь в плену расхожих западных предвзятых оценок и дезинформации по афганскому вопросу, они начали активно с трибуны Верховного Совета СССР и в СМИ повторять дикие домыслы и суждения, нацеленные на то, чтобы опорочить действия советских войск в Афганистане и заодно и советский строй. Одним из такого рода «правдоискателей» оказался весьма популярный на Западе «апостол правозащитного движения в СССР» А.Д.Сахаров, который в протестном порыве назвал афганских моджахедов «патриотами» (знал бы он, что через какой-то десяток лет на Западе их и их последователей назовут международными террористами !). Этот сахаровский пассаж, естественно, не мог не вызвать негативную реакцию со стороны Национального совета РА (парламента). Афганские парламентарии в направленном ими специальном послании в адрес Верховного Совета СССР подчеркнули, что именно на этих «патриотах» и их пакистанских и заокеанских покровителях лежит вся вина за продолжение кровопролития на афганской земле. Обращаясь в заключение лично к А.Д. Сахарову, они писали: «Мы призываем вас, г-н Сахаров, оставить свой протест, далекий от реального политического и социального анализа текущих событий в нашей стране, и присоединиться к тем, кто действительно хочет мира в Афганистане» [89].

Вернемся к положению в Афганистане. В первой декаде июля 1989 г. правительственные войска провели под Джалалабадом крупное контрнаступление и отбросили силы противника к границе с Пакистаном. И так, сражение под этим городом длилось 124 дня. Каждую минуту на город падало 13 реактивных и артиллерийских снарядов. Было убито 1014 мирных жителей, 2041 ранен. Разрушено 4573 дома, 155 дуканов, 54 мечети, 8 школ [90]. В целом к середине лета на фронтах в Афганистане наступило некоторое затишье, хотя одновременно оппозиция значительно усилила ракетно-артиллерийские обстрелы афганских городов, прежде всего столицы, и начала готовить новые наступательные операции по захвату крупных населенных пунктов страны. В те дни, когда правительственные войска добились крупных успехов под Джалалабадом, Высший совет обороны родины снова повторил свое предложение лидерам оппозиции прекратить боевые действия и решать все спорные проблемы за столом переговоров.

Провал операции по захвату Джалалабада вызвал недовольство и разочарование как в Исламабаде, так и в Вашингтоне. Еще в мае после неудачи запланированного Пакистаном «блицкрига» со службы были уволены его «виновник», генерал–лейтенант Хамид Гуль, начальник управления межведомственной разведки Пакистана, главный опекун афганской вооруженной оппозиции и, кроме него, еще 80 высокопоставленных офицеров–разведчиков. А в американском конгрессе одновременно появились сомнения относительно правильности политики Вашингтона в регионе. Вместе с тем обе стороны – Пакистан и США – не собирались отказываться от своих зловещих планов в отношении Афганистана. Так, представитель США в ранге посла при афганской оппозиции П. Томсен, говоря об американской политике в регионе и конкретно на афганском направлении, подчеркнул: «Наша политика не изменилась. После вывода советских войск она осталась такой же, какой была до вывода». Выражая подходы администрации Буша к урегулированию афганской проблемы, он заявил, что решить ее якобы невозможно без устранения от власти Наджибуллы и его партии и что США намерены пойти в оказании помощи «переходному правительству» моджахедов так далеко, как это только возможно». Тут же США начали поставки «альянсу семи» новой крупной партии военных грузов на общую сумму 100 млн. долларов. Среди них были,

как и прежде, зенитные ракеты «Стингер», 120–миллиметровые минометы, реактивные снаряды повышенной мощности, предназначенные для обстрела городов [91].

Следует еще раз отметить, что США, добиваясь свержения правительства Наджибуллы, не ограничивались только подпиткой афганских моджахедов все нараставшими военными поставками. Американские военные и спецслужбы фактически определяли тактику и стратегию вооруженной оппозиции в Афганистане и направляли ее деятельность. В июле 1989 г. с этой целью в Исламабад прибыл небезызвестный американский генерал Н. Шварцкопф. Встретившись с лидерами «альянса семи», он призвал их к сочетанию партизанской войны против Кабула с формированием регулярных воинских частей мятежников под эгидой «общафганского командования», чтобы с их помощью обеспечить успешный штурм и захват крупных афганских городов.

Пребывание Н. Шварцкопфа в Пакистане совпало с началом ожесточенных боев по захвату г. Хоста (провинция Пактия). Здесь оппозиция ставила ту же цель, что и под Джалалабадом: овладеть этим важным стратегическим пунктом и посадить там «переходное правительство». Вокруг Хоста моджахеды сосредоточили 12 тысяч человек. В боях на стороне оппозиции принимали участие пакистанские регулярные войска и племенное ополчение (малиши), а также арабские наемники при поддержке танков и тяжелого вооружения. Одновременно вооруженная оппозиция активизировала боевые действия на восточном, кандагарском, гератском и кабульском направлениях. В начале сентября защитники Хоста отбили все атаки противника и сорвали его планы овладеть этим городом. Вместе с тем, не реализовав планы по захвату крупных городов Афганистана, оппозиции все же удалось к осени 1989 г. полностью подчинить себе пять провинций из 31, а именно: Кунар, Пактику, Бамиан, Тахар, Каписа.

В этой острой и сложной военно–политической ситуации президент Наджибулла, выступая в августе 1989 г по радио и телевидению в связи с 70-й годовщиной восстановления независимости Афганистана, предложил еще одну формулу политического урегулирования афганской проблемы. В частности, он повторил, что правительство РА готово начать диалог со всеми другими афганскими группировками и вообще всеми афганцами, заинтересованными в прекращении кровопролития и установлении мира в стране, а также согласно на созыв всеафганской мирной конференции и создание на ней полномочного Руководящего совета. Предусматривалось, что данный Совет подготовит проведение Лоя джирги для решения таких кардинальных проблем, как утверждение новой афганской конституции и закона о парламентских выборах, избрание нового парламента и формирование нового правительства. Афганское правительство выступило также за то, чтобы будущие всеобщие выборы в стране прошли под наблюдением ООН. Кроме того, была подтверждена ранее высказанная Кабулом идея о созыве международной конференции с участием Афганистана, СССР, Пакистана, Ирана, США, Индии и Китая с целью гарантирования постоянного нейтралитета Афганистана, его демилитаризации и обеспечения политических прав и свобод всех членов афганского общества [92].

В те же августовские дни Наджибулла, отвечая на вопросы специального корреспондента «Известий», выразил согласие с предложением об одновременном прекращении советской военной помощи Афганистану и поставок американской стороной оружия оппозиции. Однако он, хорошо зная цинизм и лживость правящих кругов США в вопросах соблюдения международных обязательств, усомнился, что, пойдя на этот шаг, они будут в действительности его соблюдать. И что особенно важно отметить, афганский лидер в этом интервью не исключил вероятность перерастания острых афгано-пакистанских противоречий в вооруженный конфликт между двумя странами. «Если Исламабад не изменит свою враждебную политику, – сказал он, – возможность военного конфликта между Пакистаном и Афганистаном может каждую минуту стать реальностью» [93]. Эти слова президента РА вряд ли можно было считать только пропагандистским ходом. Вмешательство пакистанской военщины во внутриафганские дела становились действительно угрожающе широкомасштабным.

Хотя, надо признать, перерастание афганского конфликта в войну между двумя соседними государствами не отвечало интересам ни Афганистана, ни Пакистана, ни СССР и ни других стран региона и мира вообще.

В середине октября 1989 г. в Пакистане состоялось еще одно совещание с участием американского посла в Исламабаде Роберта Оукли, специального представителя президента США при афганской оппозиции П. Томсена, высокопоставленных пакистанских офицеров и главарей «альянса семи». Речь на нем шла о разработке и проведении новых операций по захвату крупных афганских административных центров. По сообщениям прессы, организацией этих операций должны были руководить 60 американских военных советников [94]. Противники Кабула, разрабатывая планы по свержению правительства Наджибуллы, не ограничивались только военными операциями. Их действия развертывались еще по нескольким другим направлениям, в частности: осуществление блокады крупных городов страны и транспортных коммуникаций, прежде всего дороги Хайратон-Кабул; проведение саботажа и диверсий на важных народнохозяйственных объектах республики и осуществление террористических актов против неугодных лиц; разложение правительственных войск, подрыв их боеспособности и склонение к переходу на сторону моджахедов; организация и ведение широкомасштабной информационно-психологической войны против кабульского «коммунистического» режима (см. об этом подробнее в разделе «Афганистан: уроки информационной войны» данной книги).

В соответствии с разработанными в Исламабаде планами, в октябре–декабре 1989 г. оппозиция снова развернула ожесточенные бои против правительственных войск под Джалалабадом, Хостом, Кандагаром, на севере страны и в других местах. Все они, однако, закончились провалом, что не могло не подействовать отрезвляюще на ряд полевых командиров и рядовых боевиков. Вместе с тем определенное воздействие на их умонастроения оказывали и многочисленные обращения кабульских властей по поводу прекращения сопротивления. К примеру, только осенью этого года под влиянием указанных выше факторов на сторону центрального правительства перешли 74 отряда общей численностью 24 тысячи человек, а со 113 группами (30 тысяч боевиков) были подписаны протоколы о прекращении огня [95].

Впрочем, приведенные выше цифры не являлись каким-то свидетельством коренного изменения военно-политической обстановки в Афганистане в пользу кабульского режима. Дело в том, что массовый переход моджахедов на сторону властей в преддверии зимы и холодов был для многих из них вынужденной мерой, чтобы отсидеться в тепле населенных пунктов. Как показала жизнь, с наступлением весны они нередко снова уходили в горы и примыкали к бандформированиям в надежде «заработать» большие деньги, которые им щедро обещали за участие в джихаде главари непримиримой оппозиции. И так продолжалось из года в год: война для одних (узкой верхушки) превратилась в доходный бизнес, а для других (десятки тысяч выбитых из мирной житейской колеи простых людей) – в рискованный промысел средств к существованию.

Перед такого рода жизненной реальностью афганское партийно-государственное руководство в октябре 1989 г. вынесло на обсуждение очередного пленума ЦК НДПА вопрос о задачах партии по самостоятельной защите независимости страны и достижению мира. Хотя в докладе Наджибуллы и в выступлениях участников пленума по инерции все еще подчеркивалась важность курса на национальное примирение, тем не менее основной акцент был перенесен на организацию вооруженной защиты существующего строя от внешней агрессии. В связи с этим были отмечены правильность и своевременность введения в стране после вывода советских войск чрезвычайного положения и последующего его продления по решениям Лоя джирги, что в конечном итоге позволило провести всеобщую мобилизацию материальных и людских ресурсов, укрепить вооруженные силы и сорвать планы интервентов. Говоря о вооруженной агрессии против РА, Наджибулла привлек внимание афганской и мировой общественности к усилившемуся распространению среди непримиримой оппозиции

ваххабитской идеологии, что, по его словам, подтвердило еще лишний раз «антиисламскую и антинародную сущность экстремистов» [96].

На указанном пленуме, в условиях непрекращающихся в партии распрей по кадровым проблемам был рассмотрен и организационный вопрос: из кандидатов в члены политбюро ЦК были переведены М.С. Карваль (Хальк) и Ф.А.Маздак (Парчам); секретарями ЦК НДПА назначены Ф.А. Маздак, С. Лайек (Парчам) и инженер Назар Мухаммад (Хальк); в состав ЦК партии были введены 20 новых членов.

В рассматриваемый период афганская тема по-прежнему продолжала оставаться актуальной в советской внешней политике. Еще в июле 1989 г. в Стокгольме состоялись советско-американские консультации по Афганистану. С советской стороны их вел посол по особым поручениям Н.И. Козырев, а с американской – заместитель госсекретаря США по делам Ближнего Востока и Южной Азии Джон Х. Келли. В связи с этим обменом мнениями в Кабуле была выражена надежда, что СССР и США примут решение об одновременном прекращении военных поставок всем противоборствующим сторонам в Афганистане. Вместе с тем еще тогда (повторим еще один раз) афганское правительство считало такую меру недостаточной. По его мнению, необходимо было оказать давление на лидеров оппозиции с тем, чтобы убедить их немедленно начать переговоры с правительством Наджибуллы. Однако, как показали стокгольмские консультации, Вашингтон не торопился форсировать мирный процесс в Афганистане, предпочитая дать моджахедам еще один шанс добиться военной победы на поле боя над «коммунистами». Что касается «альянса семи», то он безоговорочно выступил против самой идеи советско–американских переговоров по Афганистану [97].

В октябре этого года министр иностранных дел СССР Э.А.Шеварднадзе, выступая на сессии Верховного Совета СССР, подтвердил неизменность советской внешней политики в отношении Афганистана и политического урегулирования афганской проблемы. «Как бы тяжело нам ни было – заявил он, – мы не имеем морального права отказать афганскому народу в поддержке. Если бы мы это сделали, то обесценили бы жертвы, принесенные нашими людьми» [98]. Нельзя возразить – правильные слова! К сожалению, вскоре горбачевское руководство забыло о своем моральном долге и ответственности за судьбу афганского народа.

Проблема афганского урегулирования была поставлена и на советско-американской встрече на высшем уровне у берегов Мальты в начале декабря 1989 г. Небезынтересно, что накануне данной встречи в Вашингтон прибыла делегация в составе представителей пакистанских властей и «президента» афганской оппозиции С. Моджаддеди. Они пытались убедить президента США Дж. Буша не идти ни на какие уступки Советскому Союзу и Республике Афганистан в вопросах политического урегулирования афганской проблемы, а также хотели добиться от США увеличения военной помощи и активизации политической поддержки «переходного правительства» моджахедов. Как показали последующие события, американская администрация не собиралась прекращать военную помощь афганским экстремистам. Ее объем возрастал год от года. Если в 1984–1986 гг. он составлял 1,1 млрд. долларов, то в 1987–1988 гг. – 1,7 млрд., а в 1989 г. уже достиг 1,2 млрд. долларов. Более того, накануне указанной советско-американской встречи у берегов Мальты США и Саудовская Аравия приняли решение выделить в срочном порядке для афганской оппозиции с целью закупки новых партий оружия еще 715 млн. долларов, из которых доля США составляла 280 млн. долларов. [99]

Необходимо отметить, что с конца декабря 1989 г., когда Съезд народных депутатов СССР постановил считать решение о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. как акцию, заслуживающую «морального и политического осуждения», [100] отношение к афганской проблеме в высших эшелонах власти СССР и в кругах новоявленных отечественных «демократов» стало радикально меняться к худшему. При их активном участии в стране началась шумная кампания шельмования всего того, что связано с советским военным присутствием в Афганистане, и, более того, ставиться под сомнение сама необходимость продолжения военной и другой помощи Республике

Афганистан. Антисоветская и антиафганская направленность всей этой шумихи активно подогревалась и раздувалась официальными кругами Запада и его средствами массовой информации.

Перестроечные процессы в СССР и требование пересмотра советской внешней политики на афганском направлении вызвали панические настроения среди членов НДПА и приверженцев кабульского режима и их неуверенность в своем будущем. Все эти факторы, вместе взятые, подтолкнули афганскую партийно-государственную элиту к лихорадочным поискам путей и средств к выживанию и в конечном итоге привели в конце 1989 – начале 1990 г. к еще большему обострению внутривнутрипартийных, межфракционных разногласий и распрей. Их апогеем явился антиправительственный мятеж, поднятый в марте 1990 г. генералом Ш.Н. Танаем (см. об этом в разделе «Мятеж генерала Ш.Н. Танае» данной книги и в Приложении 3). В создавшейся драматической ситуации афганское руководство ускорило созыв давно планировавшегося 2-го съезда НДПА. Он состоялся в Кабуле в конце июня 1990 г. Съезд декларировал создание на базе НДПА новой политической организации – Партии Отечества.

Наджибулла в пространном докладе на съезде (в газете большого формата текст этого доклада на языке дари занял более шести полос) отметил, что партия за более чем четвертьвековую историю прошла сложный путь подъемов и падений. Говоря о негативных явлениях в партии, он подверг резкой критике глубоко зашедший раскол НДПА на фракции и группировки и допущенные партией многочисленные ошибки объективного и субъективного характера и проявленные слабости в ее деятельности. Среди принципиальных ошибок он выделил принятие партией на вооружение «определенной идеологии» и, главное, отказ партийного руководства в момент прихода к власти от союза и сотрудничества с влиятельными общественно-политическими силами внутри страны и установление жесткой монополии НДПА на власть [101].

Наджибулла решительно отказался признавать революцией вооруженное восстание армейских частей 27 апреля 1978 г. Хотя за год до съезда он говорил совершенно противоположное, а именно: «Какой только ерунды не пишут о нашей революции: что она и незаконна и что ее вообще не было. Но что такое революция? Это – борьба за право на прогресс общества, против нищеты, угнетения, порабощения» [102].

Кроме того, в докладе Наджибуллы, не без влияния Постановления Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г., также ошибочным было названо решение бывшего партийно-государственного руководства СССР о вводе войск в Афганистан. Данная советская акция, как он заявил, «не отвечала национальным интересам Афганистана». Впрочем, критика советского аспекта в истории Афганистана 70–80-х годов появилась в высказываниях Наджибуллы сразу же после вывода советских войск из страны и значительного сокращения, а в некоторых афганских ведомствах и полной ликвидации советского советнического аппарата. В этой связи весьма показательным было мнение Наджибуллы, высказанное им в апреле 1989 г. в интервью специальному корреспонденту газеты «Правда» В. Снегиреву. «Случалось, – сказал Наджибулла, – что они (советские советники. – М.С.) брали на себя и исполнение того, что следовало бы делать самим афганцам. Разумеется, в таком большом деле не обошлось и без ошибок. Уровень компетентности советников также не всегда отвечал требованиям обстановки». Позже, когда горбачевско-ельцинское руководство начало прибегать, к актам прямого предательства своего вчерашнего афганского друга, Наджибулла стал все решительнее отмежевываться от прокоммунистического прошлого афганских левых. В январе 1992 г. он в порыве негодования назвал советские войска, помогавшие афганскому режиму выстоять в борьбе против оппозиции, «враждебными» [103].

За всем этим отрешением от прежней партийной идеологии и практики, отказом признать революцией афганские события 1978 г., осуждением ввода советских войск в Афганистан и критикой советского советнического аппарата стояли сугубо конъюнктурные политические расчеты, нацеленные на то, чтобы придать создаваемой партии (Партии Отечества) национально-патриотический и исламский имидж и сделать

ее таким образом более привлекательной для широких слоев населения, а также, сняв с нее былую «красную печать коммунизма», расчистить поле для диалога и компромиссов с оппозицией и ее иностранными покровителями. Новая партия, по замыслам ее организаторов, надеялась, разделив власть с оппозицией и добившись умиротворения страны, занять достойную для себя нишу в будущих демократических институтах Афганистана.

Наджибулла, выступая на съезде, снова подтвердил приверженность новой партии политике национального примирения, призванной обеспечить согласие всех сил, завязанных в афганском конфликте, по вопросам создания коалиционного правительства и других государственных демократических институтов на основе свободного волеизъявления афганского народа.

2-й съезд партии избрал новые, значительно обновленные и количественно расширенные высшие руководящие партийные органы – Центральный совет партии в составе 145 членов и 60 кандидатов в члены и его исполнительное бюро (13 членов и 2 кандидата в члены). Председателем Партии Отечества стал Наджибулла. В состав исполнительного бюро, кроме Наджибуллы, вошли: С. Лайек (заместитель председателя партии), Ф.А. Маздак (заместитель председателя партии), Н. Кавьяни (заместитель председателя партии), инженер Назар Мухаммад (заместитель председателя партии), члены – Р.М. Пактин, С.А. Кештманд, А. Вакиль, Г.Ф. Якуби, М.А. Ватанджар, М. Рафи, М. Барьялай, Н.А. Нур, и кандидаты в члены бюро – А. Пайгир и А.К. Горбанди [104]. Таким образом, в составе исполнительного бюро партии соотношение сил с учетом бывшей фракционной принадлежности составило 11 : 4 в пользу Парчам. Так была закрыта последняя страница в истории НДПА и на ее смену приведена идеологизированная Партия Отечества.

Летом 1990 г. в пользу политического урегулирования афганской проблемы высказались видные деятели афганской политической эмиграции, в которую входили бывшие дипломаты и члены правительства, сторонники экс-короля Захир-шаха, представители интеллигенции, проживавшие в США, Западной Европе, Саудовской Аравии и других странах. Они сформировали «комитет шести» во главе с бывшим премьер-министром королевского правительства Мухаммадом Юсуфом для выработки приемлемого для всех плана афганского урегулирования. При этом М. Юсуф исходил из того, что политическое урегулирование в Афганистане может состояться только без Наджибуллы, который должен безоговорочно передать всю власть переходному правительству. Эта идея, однако, не нашла поддержки у афганской вооруженной оппозиции, посчитавшей, что «люди, которые не внесли достойного вклада в джихад, не имеют права принимать участия в решении афганской проблемы» [105].

Между тем кабульский режим, продолжая действовать по инерции в рамках провозглашенной им политики национального примирения и ограничиваясь на поле брани преимущественно ответными ударами по весьма активным силам мятежников, делал оппозиции одну уступку за другой. В конце июля 1990 г. Наджибулла выступил за созыв мирной конференции с целью формирования совместного координационного совета, в который бы вошли все стороны, вовлеченные в афганский конфликт. Отвергнув ультимативное требование «альянса семи» и афганской политэмиграции безоговорочно отказаться от власти, он указал, что это приведет лишь к «кровавой бане». «Мы готовы, – заявил он, – отказаться от монополии на власть, поделиться ею, но не готовы пожертвовать властью в пользу анархии и хаоса». Одновременно афганский лидер заявил о своем согласии в случае проведения в Афганистане свободных всеобщих выборов передать часть функций министерств обороны и внутренних дел избирательной комиссии, в состав которой могли бы войти как представители его правительства, так и оппозиции. «Альянс семи», как и прежде, отверг и эти мирные инициативы Кабула, подчеркнув, что оппозиция выступает против любого плана урегулирования афганской проблемы, который предусматривает участие в нем НДПА, пусть даже изменившей название [106]. Если быть до конца объективным, то иного ответа от вооруженной

оппозиции нельзя было ожидать. Владея неизменно со времен пребывания в Афганистане советских войск инициативой на фронтах борьбы с кабульским режимом и имея к тому же за спиной всемогущих иностранных покровителей и доноров, лидеры оппозиции были полностью уверены в достижении военной победы над ненавистным им противником.

Несмотря на непримиримость оппозиции в вопросах политического урегулирования, афганское центральное правительство все еще не оставляло попыток мирно разрешить внутренний конфликт в стране. Развивая и уточняя ранее выдвинутые мирные инициативы, Наджибулла в конце августа 1990 г. призвал противоборствующие стороны создать совместную комиссию, которая бы провела работу по подготовке нового закона о выборах, новой конституции Афганистана для последующего их утверждения на Лояджирге. Предлагалось, что для обеспечения безопасности работы этой комиссии ей могут быть переданы вооруженные отряды афганской армии и оппозиции. Вместе с тем Кабул и на этот раз настаивал на том, что до формирования нового правительства, избранного парламентом, во избежание анархии государственные структуры в Афганистане остаются прежними [107].

Еще одним шагом Кабула в поисках мирного разрешения афганского кризиса явилась поездка президента РА Наджибуллы в Швейцарию в ноябре 1990 г. для встречи с представителями контактной группы, учрежденной ООН. Цель данной встречи состояла в том, чтобы обеспечить достижение договоренностей между конфликтующими сторонами относительно проведения в стране демократических выборов и создания правительства на широкой основе. В ходе состоявшихся контактов Наджибулла имел беседы с представителями афганской оппозиции, в том числе и со сторонниками экс-короля Афганистана Захир-шаха. Однако, к сожалению, и этот визит президента РА не стал прологом к началу межафганского диалога.

После возвращения из Швейцарии Наджибулла обратился непосредственно к лидерам вооруженной оппозиции с предложением передать существенную долю контроля над афганскими вооруженными силами и министерством внутренних дел комиссии, состоящей из представителей всех групп оппозиции. Кроме того, он выразил готовность к созданию нейтральной комиссии для контроля над переходным периодом и проведением свободных выборов в Афганистане под наблюдением ООН.

Итоги реализации ПНП в 1990 г. были для кабульского режима обескураживающими. Все его попытки склонить оппозицию к диалогу не увенчались успехом. Более того, отказ афганских властей от активного военного давления на мятежников привел к тому, что центр почти полностью утратил контроль над ситуацией в стране и стал скорее напоминать осажденную со всех сторон крепость. Но только этим трагизм его положения не ограничивался. По мере того, как официальный Кабул безоглядно шел от одной уступки оппозиции к другой и все больше ставил под угрозу само существование режима, в рядах партийно-государственной элиты в центре и на местах углублялись растерянность и неуверенность в завтрашнем дне. В этих условиях часть указанной элиты, забывая о своей ответственности за судьбу родины и режима, начала рьяно искать различные варианты выживания для себя и своих семей на случай, если к власти в стране придут моджахеды. Выражалось это в различных формах: в расширении в невиданных ранее размерах коррупции, казнокрадства и мздоимства; открытии валютных счетов в иностранных банках; отправке их близких и родственников в другие страны с целью подготовки «плацдарма» для бегства; передаче мятежникам государственных секретов и разведанных; тайном вступлении в ряды антиправительственных группировок и получении их членских билетов; финансировании оппозиционных партий и организаций и их главарей; содействии им в невоспрепятствовании деятельности вражеского подполья и т.п. Если к этому добавить еще и усиление среди партийно-государственного аппарата в центре и на местах межнациональных, племенных, клановых, религиозных, фракционных и других

противоречий, то становится понятным, почему правящий режим оказался неспособным эффективно претворять в жизнь политику национального примирения и защищать себя.

Что касается вооруженной оппозиции, то и она почти за два года противоборства с «коммунистами» (после вывода советских войск из страны) не смогла добиться решительных побед ни под Джалалабадом, Кандагаром, Гардезом, Гератом, ни в других местах. Не помогли ей и пакистанские регулярные части и малиши, иностранные наемники и щедрая военная и финансовая помощь со стороны США, стран Запада и консервативных исламских режимов региона. Вместе с тем измотать, обескровить и морально–психологически разложить кабульский режим ей все же удалось.

С началом 1991 г. Республика Афганистан подверглась еще более мощным ударам оппозиции. В них участвовали, кроме сил мятежников, части пакистанской регулярной армии, пуштунские племенные ополченческие отряды (малиши), собранные по обе стороны афгано–пакистанской границы, и иностранные, прежде всего арабские, наемники. Удары, как и раньше, наносились по крупным административным центрам Афганистана. Первым среди них был избран г. Хост (административный центр одноименного округа с населением 2 тысячи человек), расположенный в нескольких десятках километров от границы с Пакистаном. В конце марта, после упорных 18–дневных боев оппозиции, поддержанной огнем дальнобойной артиллерии с пакистанской территории, удалось сломить сопротивление десятитысячного гарнизона Хоста и захватить его. Многие защитники города погибли. Было пленено до 2500 солдат и офицеров правительственной армии. Число раненых защитников города достигло 600 человек. Овладев Хостом, моджахеды устроили в нем кровавую резню, убивая не только раненых и пленных, но и мирных жителей. Потери оппозиционеров составили не менее 1000 человек. По сообщениям печати, в руки нападавших попали значительные трофеи, в том числе восемь танков Т–64, 11 самолетов и вертолетов, большое количество артиллерийских орудий и другого вооружения [108].

Падение Хоста имело для обеих противоборствующих сторон огромное военное, политическое и морально–психологическое значение. Афганская вооруженная оппозиция, окрыленная этой победой, еще больше уверовала в свои силы свергнуть правительство Наджибуллы. Ликовали и ее иноземные покровители. В их числе была и влиятельная пакистанская организация ортодоксальных богословов «Джамиат-уль-улема-и ислам». Она потребовала от правительства Пакистана незамедлительно признать «временное переходное правительство» моджахедов. Что касается кабульского режима, то утрата Хоста оказала деморализующее воздействие на правительственные войска, правящую партию и лояльные режиму общественно–политические организации и во многом предопределила неблагоприятный для Кабула ход весенне–летней кампании 1991 г. Оппозиция развернула боевые операции практически по всей стране. Основными объектами для ударов стали города Кабул, Гардез, Джалалабад, Газни, Кандагар, Герат и север страны. Противостояние между вооруженной оппозицией и властями Республики Афганистан вступило в завершающую стадию.

Начиная с лета 1991 г. на дальнейшее ухудшение военно-политического положения республики повлияли драматические события, разыгравшиеся в Советском Союзе. После провозглашения суверенитета России и августовского путча в Москве существенные подвижки произошли в советской политике на афганском направлении. Причем самым опасным для правительства Наджибуллы явилось давно вынашиваемое намерение горбачевского руководства прекратить военные поставки Кабулу. Еще дальше пошли новоявленные правители России во главе с Б.Н. Ельциным. Придя к власти, они сразу же прекратили оказание экономической помощи Афганистану, [109] а чуть позже, надменно оспаривая у руководства СССР во главе с М.С. Горбачевым верховное право на власть в РСФСР, начали отрекаться от советской политики в отношении левого кабульского режима и демонстрировать свою поддержку моджахедам.

Как уже отмечалось выше, в процессе переговоров по афганскому урегулированию не раз выдвигалось предложение об одновременном прекращении поставок оружия воюющим сторонам в Афганистане. Окончательное решение по этому вопросу было принято 13 сентября 1991 года по завершении в Москве переговоров министра иностранных дел СССР Б. Панкина с госсекретарем США Дж. Бейкером. Согласно подписанному советско-американскому соглашению по Афганистану, стороны согласились прекратить с 1 января 1992 г. военные поставки всем противоборствующим в этой стране сторонам, чтобы содействовать процессу прекращения военных действий [110]. Нужно отметить, что президент Наджибулла на всех этапах обсуждения данного вопроса неизменно выступал в его поддержку. Вместе с тем, как уже говорилось выше, он резонно считал его недостаточным, поскольку в случае его реализации у оппозиции оставались еще и другие источники получения вооружения и боеприпасов. Кабул же лишился единственного канала военных поставок – советского. В связи с этим Наджибулла неоднократно в предшествующие годы предлагал прекращение поставок оружия противоборствующим сторонам в Афганистане увязывать с общим процессом афганского урегулирования.

Вина за то, что кабульский режим был поставлен в неравноправное положение с оппозицией в вопросах военных поставок, как, впрочем, и в других вопросах, лежит, безусловно, на советской (горбачевской) правящей верхушке. Она с осени 1991 г., захлестнутая внутренними центробежными процессами и находясь в путах ею же выдвинутой внешней политики, нацеленной, вопреки национальным интересам, на безоглядное сближение с Западом, шаг за шагом стала лишать правительство Наджибуллы военной, экономической и морально-политической поддержки и помощи. К примеру, в октябре советское руководство не стало больше настаивать на том, чтобы президент Наджибулла входил в переходное правительство на период до проведения всеобщих выборов в стране; в ноябре из Афганистана были отозваны советские советники при министерствах обороны, внутренних дел и госбезопасности; а в середине декабря, то есть за две недели до оговоренного с США срока, были прекращены поставки Кабулу оружия и боеприпасов по воздуху. Отношение в Москве к кабульскому режиму изменилось коренным образом с развалом СССР. Глава внешнеполитического ведомства России того времени А.Козырев, проявляя полное незнание ситуации в Афганистане, назвал афганское руководство во главе с Наджибуллой «экстремистским», который-де является главным препятствием к мирному урегулированию афганской проблемы. [111]

После вступления в силу упомянутого выше советско–американского соглашения по Афганистану, подтвердились самые худшие предположения. В Афганистан из Пакистана сплошным потоком двинулись целые эшелоны с боевой техникой и боеприпасами, в том числе танками, артиллерийскими и ракетными системами и стрелковым оружием советского производства, захваченными в качестве трофеев у Ирака в ходе войны в Заливе. По данным афганской разведки, только через пограничный пункт Торхам в район под Джалалабадом в сутки проходило до 200–250 автомашин с оружием и боеприпасами. При этом главным поставщиком вооружения афганской оппозиции выступала Саудовская Аравия. Что касается афганской правительственной армии, то имевшиеся у нее боеприпасы стремительно иссякали и к концу января 1992 г. их оставалось всего на каких-то 5–6 месяцев. [112] Катастрофически не хватало топлива для боевой техники и автотранспорта. Положение в Республике Афганистан еще больше ухудшилось, когда российское ельцинское руководство отказало ей в предоставлении гуманитарной, прежде всего продовольственной, помощи. Одновременно были прекращены поставки продовольствия в Афганистан и из бывших среднеазиатских республик СССР. Страна оказалась перед угрозой массового голода. Следует заметить, что в такой драматической ситуации лишь Индия, верная прежнему курсу поддержки афганской революции, не осталась безучастной к судьбе левого кабульского режима и афганского народа. Она заявила о своей готовности поставить Кабулу продовольствие и

другую гуманитарную помощь. Правда, ей пришлось доставлять все эти грузы кружным путем, через Одессу, так как прямой и кратчайший путь в Афганистан через территорию Пакистана был закрыт для индийских товаров.

Лишившись советской (а затем и российской) военной, экономической, гуманитарной и морально-политической поддержки и помощи и оставшись один на один со своими врагами, режим Наджибуллы оказался обреченным. Его крушение с начала 1992 г. приняло стремительный, валообразный характер. Деморализованные властные структуры и общественно-политические институты режима перестали функционировать. Устрашающие размеры приняло дезертирство из правительственной армии. Ее военачальники тайно и явно начали устанавливать контакты с вооруженной оппозицией и переходить на ее сторону. Одним из первых из подчинения центру вышел обширный, населенный национальными меньшинствами север страны, где власть перешла в руки «Совета объединенного командования северных провинций Афганистана», в который вошли представители вооруженных формирований нацменьшинств и оппозиционных, в основном левых, партий и организаций. Нельзя не сказать, что обострение военно-политической обстановки на севере страны было спровоцировано самим Наджибуллой, когда он попытался заменить здесь неугодного генерала-таджика на генерала-пуштуна. Из-под контроля Кабула вышел и центр страны, где власть перешла в руки оппозиционных группировок хазарейцев-шиитов. Чуть позже, в начале апреля, моджахеды вошли в Герат и установили там свою власть во главе с полевым командиром Исмаил-ханом. Следует заметить, что переход указанных и других городов и провинций на сторону оппозиции происходил при участии офицеров бывшей правительственной армии.

Президент Наджибулла, осознавая трагизм ситуации, еще в середине марта 1992 г. заявил о готовности уйти со своего поста и передать власть переходному правительству. Примерно месяц спустя, когда отряды А.Ш. Масуда и Г. Хекматъяра захватили г. Чарикар и расположенную рядом с ним крупнейшую авиабазу Баграм со всем самолетным и вертолетным парком, Наджибулла объявил о своей отставке с поста президента, что, по существу, означало конец его правления. Одновременно, чтобы поставить заслон отрядам экстремиста Г. Хекматъяра и его попыткам первым войти в Кабул, Наджибулла перебросил военно-транспортными самолетами из Мазари-Шарифа в столицу части 53-й узбекской дивизии генерала А.Р. Дустома. Как позже оказалось – на свою беду. Когда через несколько дней он (Наджибулла) попытался покинуть страну на зафрактованном ООН самолете, именно ополченцы А.Р. Дустома помешали ему это сделать. Президент вместе со своим братом Ахмадзаем, начальником его канцелярии Тухи и начальником личной охраны Джафсаром укрылись в кабульской миссии ООН. Власть в столице перешла в руки совета в составе четырех вице-президентов РА и ряда высших военных и гражданских лиц. Чуть позже временным президентом страны был объявлен А.Р. Хатеф. Все они оставались на своих постах лишь считанные дни.

25 апреля в Кабул без боя вошли отряды А.Ш. Масуда и заняли президентский дворец, здания радио и телевидения и большинства министерств. Первый заместитель министра обороны бывшего правительства РА Н. Азими обратился с призывом ко всем военнослужащим афганской армии подчиняться приказам А.Ш. Масуда. Кроме того, по афганскому телевидению было зачитано заявление «Исламского правительства Афганистана», в котором А.Ш. Масуд назначался министром обороны и ответственным за безопасность столицы. Двинули своих боевиков в Кабул и другие группировки моджахедов. Вскоре город оказался поделенным на 12 секторов. Население Кабула, чувствуя сердцем и разумом надвигающуюся новую беду, встретило моджахедов без особого энтузиазма. Уже с утра 26 апреля между ними начались кровавые разборки с применением всех видов оружия. Особым ожесточением отличались столкновения между отрядами А.Ш. Масуда и Г. Хекматъяра в районах президентского дворца и крепости Бала-Хисар (на южной окраине Кабула). В этот день из-за угрозы быть сбитым не рискнул прибыть в столицу по воздуху назначенный Советом джихада временный

президент Исламского Государства Афганистан С. Моджаддеди. Ему пришлось добираться из Пешавара в Кабул автотранспортом в сопровождении пакистанской полиции и полевой жандармерии. 28 апреля в здании министерства иностранных дел прошла церемония «мирной передачи власти» в руки моджахедов, на которой присутствовали видные представители прежнего режима премьер-министр Ф.Х. Халекийяр, министр иностранных дел А. Вакиль, генералы Н. Азими, М.А. Делавар, Н.Х. Олуми и др.

Примечательно, что на следующий день после указанной церемонии в афганскую столицу прилетел премьер-министр Пакистана Наваз Шариф, который вручил новому правительству Афганистана чек на сумму 20 млн. долларов и обещал предоставить ему значительную гуманитарную помощь. Вместе с Н. Шарифом в Кабул прибыл и шеф секретной службы Саудовской Аравии принц Турки ибн Фейсал, брат короля Фахда. Он объявил об официальном признании нового государства – Исламского Государства Афганистан.

Представляется весьма показательным, что ельцинская «демократическая» Россия, отказавшая в свое время в гуманитарной помощи режиму Наджибуллы, поспешила уже через несколько дней после прихода к власти в Афганистане исламских экстремистов оказать им помощь в поставках 80 тонн муки и большой партии медикаментов. Груз был незамедлительно доставлен в афганскую столицу пятью транспортными самолетами. 13 мая с двухдневным визитом в Кабул прибыл министр иностранных дел РФ А. Козырев, который в дополнение к ранее доставленному в Кабул гуманитарному грузу привез для моджахедов еще и мешки с новыми афганскими банкнотами, отпечатанными в России. Заслуживает упоминания и еще один аморальный факт в деяниях российских «демократов». Он касался судьбы бывших афганских лидеров Б. Кармалы, Ф.А. Маздака и Н. Кавьяни. Им, оказавшимся в Хайратоне, на границе с Узбекистаном, Россия длительное время не давала разрешения на въезд в СНГ, ставя таким образом их жизнь под угрозу. Хотя полевой командир А.Ш. Масуд был более великодушным: он не препятствовал их выезду из страны, считая их свободными людьми [113].

Свержение правительства Наджибуллы и приход к власти моджахедов не принес мира и безопасности на афганскую землю. Гражданская война в стране, перейдя из сферы идейно-политического противоборства в русло межэтнических, межплеменных, религиозных и клановых разборок, приобрела еще более ожесточенный и кровопролитный, чем прежде, характер. Единое афганское государство перестало существовать. Такое развитие событий, кстати, предвидел Наджибулла, который в одном из последних на посту президента интервью газете «Нью-Йорк таймс» говорил: «Если фундаментализм возобладает в Афганистане, то война будет продолжаться долгие годы, а страна превратится в центр мировой контрабанды наркотиков и терроризма» [114]. Его слова оказались пророческими.

Подводя итог сказанному в данном разделе, следует отметить, что политика национального примирения со всей совокупностью в ее рамках мер была призвана принести мир и безопасность на афганскую землю и обеспечить после окончания гражданской войны развитие этой страны по демократическому пути. Хотя Наджибулла и не являлся автором ПНП в Афганистане, однако практическая реализация ее установок легла в основном на его плечи и стала главным звеном и всем смыслом его политической карьеры как президента и его трагической судьбой. ПНП в Афганистане явилась, по своей сути, исключительно важным историческим экспериментом по решению острого внутригосударственного конфликта. Независимо от него, в данном случае неудачного, исхода, этот эксперимент показал одно из возможных вариантов мирного, политического урегулирования общенациональных катаклизмов подобного рода и сопутствующие ему ошибки и просчеты.

Национальное примирение в Афганистане на условиях, предложенных Кабулом, к сожалению, не состоялось. Оно было категорически отвергнуто вооруженной оппозицией и поддерживавшими ее иноземными союзниками и покровителями.

Определенная доля вины за провал ПНП лежит и на правящей партии – НДПА, которая не выдержала испытаний на прочность из-за своих объективных и субъективных слабостей и ошибок, допущенных ею в руководстве страной и вооруженной борьбой. Левый кабульский режим, как и раньше советские войска, дислоцированные в Афганистане, не сумел продемонстрировать свое подавляющее военное превосходство над вооруженной оппозицией на поле боя, что только и только могло заставить «непримиримых» сесть за стол переговоров и обеспечить тем самым необходимые предпосылки для успеха курса на национальное примирение. Более того, неоднократное прекращение огня и постоянный отказ от активных наступательных действий правительственных войск против вооруженной оппозиции позволили последней взять полностью в свои руки инициативу в гражданской войне и навязать свою волю Кабулу.

Свою роль в провале ПНП и в крушении правительства Наджибуллы сыграла непоследовательная, а порой и предательская, политика советского и российского руководства на афганском направлении. На совести горбачевско-ельцинской верхушки, как, впрочем, и на совести правящих кругов стран Запада и консервативных режимов региона, выпестовавших и вооруживших афганскую оппозицию, безусловно, лежит приход к власти в Афганистане религиозных экстремистов, которые превратили страну в центр и рассадник международного терроризма и поставили под угрозу мир и безопасность не только центральноазиатского и средневосточного регионов, но, как стало окончательно очевидным после трагических событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне, и всего мирового сообщества.

Примечания

1. Источники: Кто есть кто в мировой политике/ Редкол.: Кравченко Л.П. (отв. ред.) и др. – М.: Политиздат, 1990. – С. 307–308; Ды Афганестан каланы. – Кабул, 1358 (1979). – На языке дари и пушту. – С.3; Справочник активиста НДПА: вопросы и ответы. – Кабул, 1982. – На языке дари (рахнама-йе фаалин-е хезб...). – С.3 и 5; Новое время. – 1992. – №17; Kabul New Times. – 1986, May 5; Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1986, 5 мая; Парчам. – 1969, 13 и 20 октября; 1970, 12, 19 и 26 января, 2 февраля; Пейам. – 1990, 30 июня; Известия. – 1996, 28 сентября и 1 октября; Пластун В.Н., Андрианов В.В. Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики. – М., 1998, – С.57, 115–116; Arnold A. Afghanistan's Two-Party Communism: Parcham and Khalq. – Stanford, California: Hoover Institution Press. 1983. – P.182; Afghanistan Today. – 1986, May–August. – № 3(5). – P.2; Loya jirgah (Grand Assembly). Documents. – Kabul: Afghanistan Today Publishers. – 1987, November. – P. I, II.
2. Кармаль Б. Краткое изложение выступления на 16–м пленуме ЦК НДПА. 30 акраба 1364 г. (21 ноября 1985 г.). – Кабул, 1985. – С. 14–16. – На языке дари (фешорде-йе байание). В этом выступлении Б.Кармаль впервые употребил слова «национальное согласие», «примирение и компромиссы». Sixteenth Plenum of PDPA CC Babrak Karmal's Speech. Resolution. – Kabul, November 1985. – P. 3–16; Ten Point Theses of Babrak Karmal, General Secretary of PDPA CC and President of DRA RC on National and its Undelayable Tasks under the Present Conditions. Dated Nov. 9. 1985. – Kabul: Government Printing Press, Nov. 1985. – P. 7–23; ibid. Declaration of DRA RC on Ten Point Theses of B. Karmal, General Secretary of PDPA CC and President of DRA RC. Dated Nov. 14, 1985. – P. 25–43; Kabul New Times. – 1986, May 5, July 14.
3. Правда. – 1986, 14 и 16 мая; Красная звезда. – 1986, 16 и 22 мая.
4. Планета за неделю: Институт общественных наук ЦК НДПА. – Кабул, 4 ноября 1986. – № 58. – С.11–12.
5. Выступление товарища Наджиба на 19–м пленуме ЦК НДПА. – Кабул: Партийная типография, саратан 1365 (июль 1986). – С.7. – На языке дари.
6. Там же, с. 9–10.
7. Там же, с. 39.
8. Постановление 10–го пленума ЦК НДПА «О неотложных задачах партии и государственной власти» // Выступление товарища Наджиба на 19–м пленуме ЦК НДПА. – С.53–54. – На языке дари; Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1986, 12 июля. Далее ссылки даются на указанные издания.

С предложением о создании Всеафганской комиссии по национальному примирению выступил Высший совет улкмов и духовенства Афганистана. Наджибулла в своем докладе на пленуме сообщил, что политбюро ЦК НДПА и РС ДРА, рассмотрев это предложение, приняли решение создать такого рода комиссию в рамках Национального отечественного фронта ДРА. Однако само постановление «О создании Чрезвычайной комиссии по национальному примирению» было опубликовано лишь в сентябре 1986 г. – См.: Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1986, 28 сентября; Kabul New Times. – 1986, July 14.

9. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1986, 12 июля; Kabul New Times. – 1986. July 12. Биографические справки об указанных лицах см.: Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки-Амина (1978–1979 гг.). – Симферополь: Симфероп. гос. университет, 1999. – С. 291–293; Ежов Г.П. Афганистан. Краткий биографический справочник. – М.: Изд-во «Ключ С», 2002. – С. 19, 237–238, 270–271, 286–287, 328–329.
10. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1986, 11 сентября; Правда. – 1986, 1 ноября.
11. См. об этом: Выступление председателя Совета министров ДРА С.А.Кештманда на научно-практической конференции, состоявшейся в Кабуле в октябре 1986 г. // Планета за неделю. – 1986, 24 ноября. – № 60. – С.13, 18–20.
12. Там же, с. 5, 18–19; Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 1 января.
13. Вступительное слово генерального секретаря ЦК НДПА Наджиба на научно-практической конференции в октябре 1986 г // Планета за неделю. – 1986, 24 ноября. – № 60, – С. 5–6.
14. Письмо Б.Кармаля в адрес ЦК НДПА и РС ДРА (на языке дари) // Kabul New Times. – 1986, November 22. – P. 2.
15. CC 20th plenum accepts Vabrak Karmal's request for relief from party, state posts // Kabul New Times. – 1986, November 22.
16. Kabul New Times. – 1986, December 6.
17. Ibid.
18. Краткое изложение доклада генерального секретаря ЦК НДПА тов. Наджиба на Чрезвычайном пленуме ЦК НДПА «О задачах партии в связи с осуществлением политики национального примирения». 30 декабря 1986 г. // Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 1 января. – На языке дари; Kabul New Times. – 1987, January 3,5: Comrade Najib's Speech at Extraordinary Plenum of PDPA CC. – Kabul: State Printing House, 1987. – P. 5.
19. В работе первой секции (руководитель – генсек ЦК НДПА Наджиб) приняли участие партийные активисты вооруженных сил, обсуждавшие вопросы о месте и роли военного фактора в процессе реализации политики национального примирения; во второй (руководитель – член политбюро ЦК НДПА С.А.Кештманд) обсуждались вопросы, связанные с деятельностью партии в новых условиях среди рабочих, ремесленников и торговцев; в третьей (руководитель – член политбюро ЦК НДПА С.М.Зерай) рассматривалась работа партии среди крестьян; в четвертой (руководители – член политбюро ЦК НДПА Н.А.Нур и секретарь ЦК Хайдар Масуд) в центре внимания были вопросы идейно-воспитательной работы; и в пятой секции (руководители – кандидат в члены политбюро ЦК НДПА, секретарь ЦК Махмуд Барьялай и секретарь ЦК Наджмуддин Кавьяни) предметом дискуссии стали вопросы работы с кадрами государственных учреждений и общественных организаций ДРА. – См.: Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 1 января.
20. Краткое изложение доклада генерального секретаря ЦК НДПА тов. Наджиба на Чрезвычайном пленуме ЦК НДПА. Здесь и далее ссылки даются на данный документ.
21. Kabul New Times. – 1987, January 1.
22. О национальном примирении. Документы, цифры и факты. – Кабул: Б. и., дальв 1366 (февраль 1988). – С. 7–13. – На языке дари (дар барайе мосалеха-йе мелли). Здесь и далее ссылки даются на этот документ. См. также: Исторические документы о национальном примирении. – Кабул: Партийная типография, джади 1365 (январь 1987). – С.1–12. – На языке дари (аснад-е тарихи дар барайе мосалеха-йе мелли).
23. См. о нем: Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. – С. 307–309.
24. Исторические документы о национальном примирении. – С. 75–97.
25. Там же, с. 9–13.
26. Там же, с. 13; Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 15 января; Kabul New Times. – 1987, January 4, 5, 14.
27. Kabul New Times. – 1987, January 6, 14.
28. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 15 января; Kabul New Times. – 1987, January 17.
29. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 17 января.
30. Там же.
31. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 15 и 17 января; Kabul New Times. – 1987, January 15. Здесь и далее ссылки даются на данное «Обращение».
32. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 19 января.
33. National Reconciliation in Practice. – Kabul: Afghanistan Today Publishers, Nov. 1987. – P. 84–85.
34. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 19 января.
35. См. об этом: Приложение 2 настоящей книги.
36. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 19 января, 9 февраля, 16 марта; Радио Афганистана. – 1987, 22 января.
37. Интервью Хан Зия-хана Насери газете «Афган Ньюз» // Afghan News (New-York). – 1987, January 15.
38. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 12 января, 7 февраля; Хивад. – 1987, 11 февраля; Хивад. – 1987, 11 февраля; Kabul New Times. – 1987, February 11. О М.Х.Шарке см.: Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. – С. 317–318.
39. Kabul New Times. – 1987, February 26.
40. Голос исламской революция Афганистана (на языке дари).– 1987, 27 марта.

41. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 2 мая.
42. Доклад на пленуме ЦК НДПА (сокращенный вариант). 21 джауза 1366 г.х. (10 июня 1987 г.) // Наджибулла. Афганистан на пути примирения. – Кабул: Государственный комитет по печати и издательству, 1988. – С. 48. – На языке дари (Афганестан дар рах-е мосалеха); Report to the Plenum of the PDPA Central Committee (abridged). June 10, 1987 // Najibullah. Afghanistan: Taking the Path of Reconciliation – Kabul: Government Committee of Press and Publication, 1988. – P. 41; Comrade Najib's Speech at the Plenum of PDPA CC. Jawza 1366 (June 1987). – Kabul: Afghanistan Today Publishers, June 1987. – P.1. Здесь и далее ссылки даются на указанные издания.
43. См. об этом же: Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 16 июля.
44. Kabul New Times. – 1987, June 13.
45. Хивад. – 1987, 8 июля.
46. Наджибулла. Обращение к противоположной стороне (выступление по телевидению 23 саратана 1366 г.х.). – Кабул: Государственный комитет по печати и издательству, 1367 (1988). – С. 78–92. – На языке дари (пейам бе джанеб-е мокабел); Планета за неделю. – 1987. – № 92. – С. 7–22; Najibullah. Afghanistan: Taking the Path of Reconciliation. – P. 68–79;
47. Хивад. – 1987, 15 июля.
48. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 2 августа.
49. Хивад. – 1987, 27 августа; Материалы Общепартийной конференции по национальному примирению. 18–20 октября 1987 г. – Кабул: Типография газеты «Гвардейская доблесть», 1987, – С. 9, 39.
50. Материалы Общепартийной конференции по национальному примирению. – С. 10.
51. Там же, с.22–23; Резолюция 2-й Общепартийной конференции «О неотложных задачах укрепления единства НДПА в условиях борьбы за национальное примирение» // Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 22 октября.
52. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 19 сентября.
53. Материалы Общепартийной конференции по национальному примирению. – С. 17–18. М.Барьялай не смог принять участие в работе указанной конференции в связи с его исключением из членов ЦК партии, хотя он и был избран ее делегатом от провинции Газни. – См. об этом: Радио Афганистана, – 1987, 26 августа.
54. Материалы Общепартийной конференции по национальному примирению. – С. 10.
55. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 28 ноября.
56. Официальное сообщение о визите Э.А.Шеварднадзе в Республику Афганистан // Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1988, 7 января.
57. Парчам. – 1968, – №5. – С. 3.
58. Наджибулла. Речь на заседании Высшей чрезвычайной комиссии по национальному примирению. 16 января 1988 г. // Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1988, 17 января; О национальном примирении. – С. 56–82; Информационное сообщение о пленуме ЦК НДПА // Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1988, 30 января; Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1988, 27 марта.
59. Стенограмма выступления Наджибуллы перед представителями улемов и духовенства. 28 февраля 1988 г. (из личного архива. – М.С.); Хакикат-е энкелаб-е саур, – 1988, 12 марта; Радио Афганистана. – 1988, 13 марта; Kabul Times. – 1988, October 20.
60. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1988, 27 января.
61. Наджибулла. Речь на заседании Высшей чрезвычайной комиссии по национальному примирению. 16 января 1988 г.
62. Информация ТАСС. – 1988, 24 февраля; Афганистан: пути национального примирения. – 1988, 3 марта. – № 7. – С.25–27; 1988, 17 марта. – № 8. – С.37–39.
63. Речь Наджибуллы об итогах выборов в Национальный совет Республики Афганистан // Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1988, 23 апреля; Выступление Наджибуллы на третьей специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. Июнь 1988 г. // Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1988, 9 июня; Kabul Times. – 1988, April 24.
64. Радио Афганистана. – 1988, 5 июня; Правда. – 1988, 1 июня.
65. Правительство М.Х.Шарка получило вотум доверия Вулуси джирги в начале июня 1988 г. // Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1988, 8 июня.
66. Правда. – 1988, 10 и 11 июня, 24 августа; Известия. – 1988, 27 сентября.
67. Правда. – 1988, 27 июня, 23 июля, 23 августа, 25 и 30 сентября, 3, 12, 25 и 29 декабря; Speech Delivered by Comrade Najibullah at PDPA CC Oct. Plenum. – Kabul: Alberuni Publishing House, 1988. – P. 10.
68. Правда. – 1988, 26 и 30 сентября.
69. Правда. – 1988, 25 июля.
70. President Najibullah Address to Parliament // Kabul Times. – 1988, August 28.
71. Известия. – 1988, 31 октября, 11 ноября.
72. Правда. – 1988, 25 августа.
73. Известия. – 1988, 11 ноября; President Najibullah Remarks to BBC // Kabul Times. – 1988, November 6.
74. Известия. – 1988, 1 января.
75. Известия. – 1988, 30 ноября, 4 декабря; 1989, 27 февраля.
76. Правда. – 1988, 8 декабря; 1989, 5 января.

77. Обращение Наджибуллы к афганскому народу // Правда. – 1989, 1 января; Kabul Times. – 1988, December 31.
78. Известия. – 1989, 9 февраля.
79. Известия. – 1989, 13 февраля; Kabul Times. – 1989, January 15
80. Известия. – 1989, 18 февраля.
81. Известия. – 1989, 25 февраля.
82. Выступление президента Наджибуллы на митинге в Кабуле // Красная звезда. – 1989, 7 февраля; Известия. – 1989, 9 февраля.
83. Указ президента Республики Афганистан об объявлении чрезвычайного положения в стране // Пейам. – 1989, 19 февраля; Выступление президента РА Наджибуллы по национальному телевидению 19 февраля 1989 г. // Известия. – 1989, 21 февраля; Известия. – 1989, 20, 22, 24, 26 февраля, 26 июня.
84. Красная звезда. – 1989, 7 февраля.
85. Правда. – 1989, 20 и 30 апреля, 5 мая.
86. Известия. – 1989, 13 марта, 19 апреля, 6 мая.
87. Известия. – 1989, 1 и 17 мая, 17 июня.
88. Красная звезда. – 1989, 16 июля.
89. Послание Национального совета РА Верховному Совету СССР // Красная звезда. – 1989, 13 июня.
90. Известия. – 1989, 5 сентября.
91. Правда. – 1989, 3 июля; Известия. – 1989, 5 июля, 29 августа; Красная звезда. – 1989, 5 июля.
92. Известия. – 1989, 23 августа.
93. Известия. – 1989, 19 августа.
94. Правда. – 1989, 14 октября.
95. Правда. – 1989, 13 декабря.
96. Speech Delivered by Comrade Najibullah at PDPA CC Oct. Plenum. – Kabul: State Publishing House, 1989. – P. 3–7.
97. Известия. – 1989, 1 августа.
98. Известия. – 1989, 25 октября.
99. Правда. – 1989, 21 и 23 ноября, 31 декабря; Красная звезда. – 1989, 17 декабря.
Постановление Съезда народных депутатов СССР «О политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г.» 24 декабря 1989 г. // Правда. – 1989, 28 декабря.
100. Доклад Центрального комитета НДПА второму съезду партии. 26 июня 1990 г. // Пейам. – 1990, 27 июня. – На языке дари. Здесь и далее ссылки даются на этот документ.
101. Интервью президента РА Наджибуллы специальному корреспонденту «Известий» // Известия. – 1989, 18 апреля.
102. Правда. – 1989, 26 апреля; Известия. – 1992, 22 января.
103. Пейам. – 1990, 30 июня.
104. Эхо планеты. – 1990, август. – № 33–34. – С.19.
105. Правда. – 1990, 24 июля; Известия. – 1990, 24 июля.
106. Правда. – 1990, 26 августа.
107. Известия. – 1991, 3, 5 и 8 апреля; Красная звезда. – 1991, 10 и 13 апреля.
108. Известия. – 1991, 30 августа.
109. Известия. – 1991, 14 сентября.
110. Московские новости. – 1992, 1 марта.
111. Красная звезда. – 1992, 31 января.
112. Известия. – 1992, 22 мая.
113. Известия. – 1992, 18 апреля.